

ПЕРЕЗРОДЫ

„ПЕРЕЗВОНЫ“ „PEREZVONY“

№ 30 (3) — 1927 г. Мартъ.

Рига, Редакция и контора L. Kalēju ielā 43
Телефонъ 22176 и 23423

Цѣна номера 1 латъ (50 руб.)
За границей 25 амер. цент

Содержаніе:

К. Д. Бальмонтъ — Славословіе (Поэма).
Ан. Матюшкинъ — Шутки Солдогоуба.
Н. И. Мишеевъ — В. Д. Полѣновъ и И. М. Прянишниковъ.
„ „ — А. Пранде.
Георгій Песковъ — Валькирія.
А. Филипповъ — Чайныя розы.
А. Федоровъ — Опустѣлый садикъ.
А. Черный — Московскій случай.
Хайяма — Персид. народ. поэтъ. Отрывокъ изъ поэмы.

Въ краскахъ:

репродукціи съ картинъ

В. Д. Полѣнова — „Христось и грѣшница“ и „Московскій дворикъ“.

И. М. Прянишникова — „Послѣ охоты“ и „Въ 1812 году“.

Представительства журнала „Перезвоны“

Эстонія — Г. Паю. Ревель, Narju tänar 39. Бѣлоуровъ. Дерптъ — Lossi tän № 1.
Литва — „Srauda“. Ковно, Laisves Aleja 76.
Финляндія — Mr. V. Voutilainen, Red. „Novija Russk. Vesti“, Nikolaigoton, No. 19. Iok. 2.
Германія — Гиршфельдъ. Берлинъ, Passauer Str. 5.
Чехословакія — Кн. Маг. „Пламя“. Прага 11, Ječna 32.
А. А. Воеводинъ. Прага-Винограды, Nerudova 32.
Австрія — А. Мухинъ. Вѣна I, Petersplatz 9.
Югославія — И. И. Карпенко. Бѣлградъ, Притшинска 52.
Инж. А. Арія (для Хорватіи и Словеніи) — Загребъ, Vlaška ul. 24.

Продажа также въ книжныхъ магазинахъ:

„Славянская взаимность“. Бѣлградъ, Битольска, 30. — „Возрожденіе“. Бѣлградъ, ул. Милоша, 11. — М. А. Суворинъ. Бѣлградъ, ул. Кр. Наталіи 21.
Болгарія — Н. Алексѣевъ. Софія, В. Тырново 17.
Продажа также въ магаз.: А. Курьиндинъ. — Софія, ул. Царя Освободителя 6.
Турція — Г. Пахаловъ, „Культура“. Константинополь, 385, Grand rue de Péra.
Польша — Изд. „Добро“. Варшава, ul. Krakowskie Przedmie ście Nr. 53.
Румынія — Кн. Маг. „Книга“. Кишиневъ, str. Alexandru cel Bun. 71.
Египетъ — Е. Лауренбергъ. Александрія, 24, Boulevard de Ramleh.
Китай — И. А. Глѣбовъ. Харбинъ, New-Town, p. b. 6.
К. Аверстъ. Тіендзинъ, 20 Council Road. Tatati Building.
„Русское Дѣло“. Шанхай, 359, Avenue Joffre.
Соед. Штаты Сѣв. Америки — Central Book Trading Company (А. В. Яременко), 239 East 10 th street. New-York City.
Калифорнія — N. E. W. S. & Company. „Новинка“, 1793, Geary street. San Francisco.
Англія — „Родное Слово“. London W. S. 222. Shaftesbury Avenue.
Франція — Отдѣленіе Издательства — Парижъ (XVI) 20, rue Raynouard, 20.

Продажа въ магазинахъ:

Арбузовъ,	32, rue d'Anjou.	„Москва“,	9, rue Dupuytren.
„Родникъ“,	106, rue de la Tour.	„Маякъ“,	22, avenue des Ternes.
„Возрожденіе“,	2, rue de Seze,	Е. Сіяльской	2, rue Pierre-le-Grand.
И. Поволоцкій,	13, rue Bonaparte.	„Офеня“	Билланкуръ.

Издание Акц. Общ. Печат. Дѣла „САЛАМАНДРА“
 Latvija Riga, L. Kalēju ielā 42. Парижъ (XVI) 20 rue Raynouard; Харбинъ —
 New-Town, p. b. 6 — И. А. Глѣбовъ; Нью-Йоркъ — Central Book Trading Company
 239 East 10 th. Str.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ПЕРЕЗВОНЫ“

ВЫХОДИТЬ 1 РАЗЪ ВЪ МѢСЯЦЪ

СОТРУДНИКИ: М. А. Алдановъ, Мих. Аршыбашевъ, К. Д. Бальмонгъ, Н. Г. Бережан-
 ский, проф. Бердяевъ, И. А. Бунинъ, Н. Н. Бѣлоцвѣтовъ, Ю. Галичъ
 Г. Гребенниковъ, О. Далматова, А. Даманская, Донъ-Аминадо, Бор. Зайцевъ, Евг. А. Зноско-Боровский,
 А. И. Купринъ, Вл. Лодыженский, Ив. Лукашъ, Д. С. Мережковский, С. Р. Миншловъ, проф. Н. И. Ми-
 шеевъ, Мих. Осоргинъ, А. М. Ремизовъ, Н. Рошинъ, Н. А. Тэффи, Л. Столица, И. Сургучевъ,
 В. Ф. Ходасевичъ, А. Черный, Евг. Н. Чириковъ, Марина Цвѣтаева, И. Шмелевъ, Сем. Юшкевичъ,
 А. Ѳедоровъ. Худ. акад. Н. П. Богдановъ-Бѣльскій, акад. С. А. Виноградовъ, А. М. Прандъ, Ю. Г.
 Рыковский и друг.

№ 1 посвященъ С. А. Виноградову; № 2 — Н. П. Богданову-
 Бѣльскому; № 3 — М. В. Нестерову; № 4 — К. А. Коровину;
 № 5 — древне-русскому зодчеству; № 6 — В. М. Васнецову;
 № 7/8 — изображеніямъ Богоматери и Св. Младенца въ искусствѣ;
 № 9 — А. М. Васнецову; № 10 — М. В. Добужинскому;
 № 11 — И. И. Левитану; № 12 — В. В. Верещагину; № 13 —
 Н. К. Рериху; № 14 — Б. М. Кустодіеву; № 15 — стариннымъ
 усадьбамъ „подмосковнымъ“; № 16 — И. К. Айвазовскому и
 Ю. П. Анненкову; № 17 — В. Е. Маковскому и К. В.
 Дыдышко; № 18 — В. Г. Пурвиту; № 19 — Пасхальный;
 № 20 — посвященъ „Дню Русской Культуры“; № 21 —
 Я. Розенталю; № 22 — В. И. Сурикову и подмосковнымъ;
 № 23 — А. И. Куинджи. № 24 посвященъ стар. Петербургу.
 № 25 посвященъ Эрмитажу. № 26 — передвижникамъ и
 новѣйшимъ работамъ академиковъ Н. П. Богданова-Бѣль-
 скаго и С. А. Виноградова. № 27 — Рождественскимъ святоч-
 нымъ мотивамъ въ искусствѣ. № 28 — Москвѣ. № 29 — И. Е. Рѣпину.

Въ каждомъ ном. 3—4 цвѣтныхъ репродукціи, много иллюстр. въ текстѣ.
 Обложка раб. М. Добужинскаго.

Цѣна ном., начиная съ № 14 — въ Латвіи 50 руб., за границей 25 ам. цент.

	Въ Латвіи	Въ Литвѣ	Въ Эстоніи	За границей
Комплектъ 1925 г. №№ 1—8	6 латовъ	15 литовъ	500 эст. мар.	1 долл. 50 цент. ам.
Комплектъ за 1-ое полугодіе 1926 г. №№ 9—21	12 латовъ	30 литовъ	1000 эст. мар.	3 амер. долл.
За 2 полуг. № № 22—27	6 лат.	15 лит.	500 эст. м.	1 дол. 50 цен.

Въ вязанныхъ коленкоровыхъ переплетахъ — каждый комплектъ на 2 Ls. дороже (50 ам. ц.)
 Плата можетъ быть внесена во всѣхъ почтовыхъ конторахъ на нашъ почт. тек. счетъ № 916
 Riga, Post-Schek Konto № 916.

Подписчики, желающіе получить журналъ заказной бандеролью,
 приплачиваютъ 5 американскихъ центовъ за № (въ Латвіи 25 сант.)

Комплекты „Юнаго Читателя“ за 1926 г. (24 книги съ приложеніями) — 12 латовъ (30 литовъ,
 1000 эст. мар., 3 амер. доллара). Въ вязанн. переплетахъ №№ 1—6 — 1 дол. (въ Латвіи 4 лата),
 №№ 7—12 — 1 дол. („ 4 лата).

Принимается подписка на 1927 годъ
на газету

Новое Время

Въ предѣлахъ Королевства С. Х. С. на
1 мѣс. — 45 дин., 3 мѣс. — 125 дин.
6 мѣс. — 250 дин., 12 мѣс. — 400 дин.
За границу на 1 мѣс. — 0,75 амер. долл.

Розничн. продажа въ Кор. С. Х. С. — 2 дин. за экз.
Подписка принимается съ 1 и 15 числа каждого мѣсяца
въ главной конторѣ газеты: Бѣлградъ, ул. Кр.
Наталии и во всѣхъ конгръ-агентствахъ газеты.

Единственная въ Харбинѣ (Китай) еже-
дневная русская вечерняя газета

„РУПОРЪ“

VII-ой годъ изданія

Въ воскресенье и послѣ праздничи.
дней выходитъ увеличен. размѣромъ.

Газета имѣетъ широкое распространение
по всей линіи Кит.-Вост. ж. д. и во
многихъ городахъ Китая и Японіи.

Подписная плата: 1 м. — 1 амер. дол.
3 м. — 2 амер. д. 50 ц.

АДРЕСЪ ДЛЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ:

Китай — Харбинъ, Почтовый ящикъ № 364.
China

АДРЕСЪ ДЛЯ ПЕРЕВОДОВЪ:

Китай — Харбинъ, Корейская 17. Главн. Контора
China — Харбинъ, газетъ „РУПОРЪ“.

Редакторъ-издатель Е. С. Кауфманъ.

РУССКОЕ ВРЕМЯ

„Le Temps Russe“

Редакція и контора:

40, rue de Trévise, 40. — Paris (IX)

Tél.: Bergère 52-65.

Газета „Русское Время“ выходитъ еженедѣльно
по воскресеньямъ.

Отдѣльный номеръ во Франціи — 50 с.

Заграницею — 1 фр.

Условія подписки:

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	1 г.
Во Франціи	3 фр.	8 фр.	15 фр.	28 фр.
Заграницей	5 фр.	14 фр.	26 фр.	50 фр.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЗАРНИЦА“

RUSSIAN MONTHLY LITERARY
AND EDUCATIONAL MAGAZINE

„ZARNITZA“

130. E. 7 th Street
NEW-YORK, N. Y.

TELEPHONE:
Dry Dock 6511.

Журналъ издается группой рабочихъ при участіи:

П. Бирюкова, Г. Гребенщикова, И. Горбунова-По-
садова, С. Гусева-Оренбургскаго, Г. Полонскаго,
Н. Рубакина, Ю. Рубакина, Б. Ванъ-Розень, Р. Ванъ-
Розень, инж. Е. Сомова, Л. Тартакъ, Л. Нелидовой,
Фивейской, А. Фавицкаго, проф. А. Фореля и друг.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1927 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

Выходитъ въ Софіи **РУСЬ** Годъ изданія 5-ый

Адресъ Подъ редакціей

Редакціи и Конт.: **РУСЬ** СЕРГѢЯ

Софія, Врабча, 1 **ШЕВЛЯКОВА**

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ (съ пересылкой)

Въ Софіи и Болгаріи

1 м.	3 м.	6 м.	12 м.
60 лв.	170 лв.	320 лв.	600 лв.

Заграницей

1 м.	3 м.	6 м.	12 м.
0,60 долл.	1,5 долл.	3 долл.	6,00 долл.

Подписка принимается 1, 5, 10, 15, 20 и 25
каждаго мѣсяца.

Подписчикамъ — премія книги

БОЛЬШОЙ РУССКІЙ
еженедѣльный иллюстрированный журналъ

„НОВАЯ НЕДѢЛЯ“

Богатыя ИЛЛЮСТРАЦИИ всесторонне
освѣщаютъ европейскую жизнь

Литературно - художественное
содержаніе.

Кино. Театръ. Спортъ. Моды.
Отдѣлъ шутокъ, задачъ и шарадъ.
Обо всемъ. Бой-скаутъ. Люби-
тель-фотографъ. Радио. Шахматы.

Цѣна: въ Латвіи — 40 сент. (20 р.) въ
Литвѣ - 1 литъ, заграницей - 10 ам. цент.

Адресъ редакціи и конторы — Латвія, Рига,
Большая Кузнечная (Lielā Kalēju ielā) 43,
„САЛАМАНДРА“ Тел. 23011.

ШУРЪЗЪРЪШЫ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 20 1927 30

Н. И. МИШЕЕВЪ

В. Д. ПОЛЪНОВЪ И И. М. ПРЯНИШНИКОВЪ

I

Полъновъ родился (1844 г.) въ семьѣ съ большимъ достаткомъ, высоко-культурной и принадлежащей къ лучшему обществу. Его отецъ былъ посланникомъ въ Аѳинахъ и впоследствии сенаторомъ. Онъ считался однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Государственная служба не мешала ему быть одновременно секретаремъ СПб Археологическаго общества и членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ. Его жена, мать художника, была полна искусствомъ и сама рисовала. Такимъ образомъ, будущій художникъ уже съ дѣтства жилъ въ атмосферѣ, насыщенной искусствомъ, среди споровъ о предметахъ исторіи, археологии и чистаго искусства.

Понятно, что такая обстановка лишь способствовала развитію природнаго дарованія маленькаго Полънова, которое, кстати сказать, обнаружилось у него очень рано. Бережно отнеслись къ ребенку родные, пустивъ его уже въ дѣтствѣ въ рисовальные классы при Академіи Художествъ, однако не поступились и его общимъ образованіемъ, а поэтому мы видимъ Полънова кончающимъ гимназію

(1863 г.), что прервало занятія искусствомъ, но съ 1866 г. онъ снова въ Академіи.

Въ 1867 г. Полъновъ, будучи еще ученикомъ, предпринимаетъ художественно-образовательную поѣздку за границу. По возвращеніи, не оставляя занятій въ Академіи, гдѣ онъ успѣваетъ получить уже двѣ серебряныя медали за рисунокъ и этюдъ, Полъновъ поступаетъ въ университетъ, заканчиваетъ его и вмѣстѣ Академію, гдѣ награждается большой золотой медалью за исполненіе двухъ программъ: „Ювъ и его друзья“ и „Воскрешеніе дочери Іaira“. Медаль даетъ ему шестилѣтнее пенсіонерство за границей. Мюнхенъ съ Макартомъ, Пилоти, Беклиномъ кладетъ большую печать на развитіе таланта и вкуса нашего художника. Затѣмъ слѣдуютъ: Венеція, Неаполь, Римъ, Флоренція, Парижъ. Пишутся картины: „Право господина“, „Арестъ графини д'Этремонъ“ и др. Послѣдняя даетъ ему званіе академика.

В. Д. Полъновъ

V. Polenoff

Русско-турецкая война захватываетъ художника, и Полъновъ ѣдетъ на Балканы добровольцемъ. Потомъ онъ прикомандировывается къ главной квартирѣ Наслѣдника Цеса-

ревича и пишетъ нѣсколько картинъ изъ походно-боевой жизни, гдѣ, однако, преобладаетъ этнографическій элементъ: „Черногорецъ“, „Болгарская деревня Берестовецъ“, „Турецкій аванпостъ“, „Долина смерти“ и др.

Въ 1882 г. Полѣновъ много и долго путешествуетъ по Востоку: Константинополь, Аѳины, Архипелагъ, Сирія, Палестина, Египетъ — вотъ этапы этого путешествія. Извѣстный уже теперь художникъ привозитъ изъ своего путешествія массу этюдовъ, результатомъ работы надъ которыми является знаменитая картина „Христосъ и грѣшница“. Имя Полѣнова на устахъ всѣхъ.

Въ настоящее время художникъ живетъ въ Россіи и недавно получилъ званіе „народнаго“.

II

Сынъ небогатаго торговца, который разорился, и пришла нищета со всѣми ея горестями...

Какое тамъ образованіе, если надо было зарабатывать на хлѣбъ, а потому поступилъ къ богатому купцу Волкову. Тяжелая была бы жизнь, да, слава Богу, купецъ оказался хорошимъ человѣкомъ, — давалъ время читать, а главное, рисовать. Господи, тянуло какъ къ этому самому рисованію... Кажется, не ѣлъ бы и не спалъ, только бы рисовать и не фантазіи тамъ разныя, а вотъ все, что... вокругъ. Ужъ очень это интересно!..

Ну, купецъ и запримѣтилъ... Потребоваль, что было нарисовано. Прошло нѣсколько дней. Илларионъ ждалъ, когда погонять... Обошлось... Рисунокъ купецъ себѣ оставилъ... Съ этого времени вотъ и началъ время давать... А тамъ вдругъ вызвалъ... Господа какіе-то... Смотрятъ рисунки, хвалятъ... Черезъ недѣлю въ школу... Училище живописи! Сдружился съ Перовымъ. Славно пишетъ!.. Такъ бы мнѣ...

Ничего. Пошелъ... Было и голодно, и холодно...

Пришла затѣмъ и слава... Самъ сдѣлался профессоромъ. Безгранично любилъ свое дѣло и отдавалъ душу свою, все свое знаніе каждому нарождающемуся таланту...

Умеръ отъ чахотки въ 1894 г.

Такова жизнь большого русскаго художника И. М. Прянишникова (род. 1840 г.). Еще, слава Богу, что на его дорогѣ оказался „добрый, хорошій и умный купецъ Волковъ“... Многимъ обязано наше русское искусство этому купечеству...

III

Произведенія Полѣнова очень легко поддаются извѣстной классификаціи. Это, во-первыхъ, картины, такъ называемаго, романтическаго жанра, какъ „Право господина“, „Арестъ графини д'Этремонъ“, „Большая“ и подобныя имъ; во-вторыхъ, пейзажъ: „Московский дворикъ“, „Бабушкинъ садъ“, „Ранній снѣгъ“ и др.; наконецъ, вещи религіознаго историческаго характера, именно — циклъ, посвященный жизни Иисуса Христа.

Если мы всмотримся въ творчество Полѣнова, какъ проявилось оно въ названныхъ картинахъ, кстати, наиболѣе типичныхъ для него, то безъ особаго труда отмѣтимъ, что объединяющимъ началомъ всѣхъ ихъ является исключительное чувство художникомъ природы и умѣнье передать красоту и привлекательность ея съ помощью прозрачныхъ, легкихъ красокъ, тайна колорита которыхъ была ему такъ близка.

Да, огромный талантъ Полѣнова былъ по преимуществу живописный. Какъ жалко, что расцвѣтъ творчества этого художника пришелся на эпоху, когда „чистое искусство“ презиралось. Въ передовомъ русскомъ обществѣ того времени всѣ шли за Чернышевскимъ, клеймя позоромъ „бесодержательность“ и требуя отъ искусства служенія просвѣтительнымъ идеямъ. Вынужденный служить „просвѣщенію“, Полѣновъ и написалъ на сюжетъ: „Право господина“, „Арестъ графини-гугенотки“, „Забава цезаря“, осуждая въ краскахъ и звѣрство цезаря, бросившаго христіанку въ логовище тигра, и насиліе надъ гугенотами, и многое другое... Общество и критика были удовлетворены. Зато, когда появились „Московский дворикъ“, „Бабушкинъ садъ“, то критика писала: „Это явленіе очень печальное, обнаруживающее упадокъ искусства въ странѣ и отсутствіе серьезной школы. Не пейзажу играть первенствующую роль, а мысли въ творствѣ“.

Очень возможно, что въ циклѣ картинъ изъ жизни Христа Полѣновъ попытался успокоить и общественное мнѣніе и дать выходъ своему художественному темпераменту.

IV

„Христосъ и грѣшница“ — это самое извѣстное и безспорно значительное произведеніе знаменитаго художника. Остановиться на анализѣ его — значитъ приобщиться къ сути полѣновскаго творчества.

Въ расцвѣтъ своей дѣятельности Полѣновъ поставилъ своей задачей написать Христа-человѣка, гдѣ привлекающая реальная простота соединилась бы съ глубиной внутренней красоты. По рассказамъ самого художника, онъ пришелъ къ своей мысли еще тогда, когда впервые увидѣлъ замѣчательную картину Иванова, привезенную въ Петербургъ изъ Рима. Тогда уже онъ рѣшилъ сдѣлаться продолжателемъ Иванова, создавъ образъ Христа не только грядущаго, но и приходившаго въ міръ, совершавшаго Свой путь среди народа.

На выполненіе такой задачи Полѣновъ посмотрѣлъ очень серьезно. Желая дать подлинную историческую картину, онъ отправился, какъ извѣстно, на Востокъ. Тогдашняя критика не простила бы ему погрѣшностей въ области исторической этнографіи.

Однако этюды, привезенные имъ изъ своего путешествія, менѣе всего этнографичны. Въ сущности говоря, они и не имѣли прямого отношенія къ будущей картинѣ. Это были почти импрессионистскаго письма наброски поразившихъ воображеніе и глазъ художника красокъ

Востока. Темный кипарисъ на глубоко-синемъ небѣ... Кусочекъ лазурнаго моря... Скала, обожженная яркимъ солнцемъ... Контрасты свѣта и тѣни подѣлающими тропическимъ небомъ... Золотая дымка надъ уснувшимъ озеромъ и т. д. и т. д. Все это говорило о крайнемъ увлеченіи живописной красотой. Все это открывало въ русскомъ искусствѣ тайну новой красочной силы, пробуждало въ немъ смѣлость такого обращенія съ красками, о которомъ тогда и понятія не имѣли. Вотъ почему нельзя согласиться съ А. Бенуа, характеризующимъ въ своей „Исторіи русской живописи“ полѣновскіе восточные этюды „слащавыми, вялыми по техникѣ“ и т. п.

Картина „Христосъ и грѣшница“ появилась на выставкѣ въ 1887 г. Въ чемъ же сила этой картины?

Современники все свое вниманіе сосредоточили на сюжетѣ и этнографическихъ данныхъ въ ней. Дѣйствительно, Полѣновъ въ смыслѣ этнографіи далъ здѣсь то, что и многимъ историкамъ не было извѣстно. Правда историческая была соблюдена до мелочей. Что касается сюжета и связанной съ нимъ психологіи, то интересно послушать отзывъ Вл. Короленко о картинѣ. Мнѣніе писателя раздѣлялось большинствомъ.

„Христосъ оторванъ отъ своей общей мысли“, читаемъ у Короленко: „Блудницу еще не довели до того мѣста, гдѣ ее нужно поставить передъ Христомъ; въ толпѣ продолжается движеніе... Христосъ еще не вполне спустился съ высоты, еще не отдалъ себѣ полнаго отчета во всѣхъ подробностяхъ предстоящаго частнаго факта человѣческаго гнѣва и страданія, но этотъ фактъ уже зоветъ Его къ себѣ, требуя разрѣшенія. Въ этомъ... узелъ драмы, сильный, много говорящій психологическій моментъ, который сразу поднимаетъ значеніе фигуры Христа-человѣка. Старый міръ бѣснуетъ, враждуетъ и страдаетъ. Новый обращается къ Христу съ тревожнымъ упованіемъ... Въ Христѣ слиты въ одно цѣлое: и чувство, и мысль, и содержаніе, и форма. Присутствіе этого всеразрѣшающаго момента кладетъ свой отпечатокъ, проникаетъ въ душу занятаго имъ художника. Христосъ принесъ мечъ, которымъ старый міръ разсѣченъ на двѣ части: любовь на одной, вражда — на другой“...

Короленко подошелъ къ картинѣ, какъ литераторъ. Весьма возможно, что Полѣновъ все это и хотѣлъ сказать красками, но для насъ теперь ясно, что наиболѣе цѣннымъ является въ популярной картинѣ не психологія и этнографія, а ея чудесная живопись. Вглядитесь

В. Д. Полѣновъ — „Христосъ и грѣшница“

V. Polenoff — „Jesus and the sinner“

въ этотъ очаровательный пейзажъ, гдѣ идетъ драма. Сколько въ немъ спокойной красоты! Какъ онъ чуждъ всей трагедіи міра! А развѣ васъ не чаруетъ колоритъ и свѣжесть красокъ?.. Нельзя также не замѣтить, что и вся композиція картины производитъ больше впечатлѣніе эпоса, нежели драмы.

Итакъ, искусство побѣдило. Полѣновъ не измѣнилъ своему дарованію. Не видимъ мы этой измѣны и на всѣхъ прочихъ вещахъ цикла Христа. Вотъ „Генисаретское озеро“, „Мечты“. И тамъ, и здѣсь уже знакомый образъ Христа, ставшаго человѣкомъ, чтобы служить человечеству. Конечно, этотъ образъ удался Полѣнову. Необычайной тишиной вѣетъ отъ него, такого дѣятельнаго, реальнаго, простаго и въ то же время привлекательнаго Своей спокойной мудростью. Но, съ другой стороны, развѣ можно отдѣлать самый образъ отъ всей окружающей Его природы? Развѣ Онъ не сливается съ нею, преисполненно подобной же мудрой тишиной, величавымъ просторомъ, всепримиряющей красотой?

Вотъ почему вы не сосредоточиваете всецѣло своего вниманія на обликѣ полѣновскаго Христа и очень скоро ловите себя на чувствѣ наслажденія полѣновскимъ пейзажемъ и красками послѣдняго. Пейзажъ, можно сказать, преобладаетъ у Полѣнова. Вездѣ онъ исходитъ отъ этого пейзажа. На что ужаснѣе голгоуская драма, но въ картинѣ „Вошли на Голгоу“ почти не чувствуется этой драмы, — пейзажъ поглощаетъ ее. Тамъ же, гдѣ пейзажу нѣтъ мѣста, какъ, напр., въ произведеніи „Отрокъ Христосъ среди учителей въ храмѣ“, Полѣновъ увлекается чистыми красками, стараясь передать ими прохладную тѣнь храма, пронизанную лучами солнечнаго свѣта. Другими словами, художникъ у Полѣнова всегда стоитъ на первомъ мѣстѣ.

V

Весьма понятно, что картины Полѣнова, гдѣ пейзажъ только и занимаетъ художника, являются наиболѣе отвѣчающими его громадному дарованію, а слѣдовательно, имъ принадлежитъ и наибольшее значеніе въ исторіи русской живописи. Пусть эти картины написаны раньше „Грѣшницы“, но вѣяніе живописи ихъ и ея побѣда въ религіозномъ циклѣ сказались очень опредѣленно.

Мы имѣемъ въ виду „Московскій дворикъ“ и „Бабушкинъ садъ“. Они оказали большое вліяніе на все развитіе русскаго пейзажа. Вѣдь здѣсь, вмѣсто живописно-романтическихъ ландшафтовъ съ красивыми руинами, величественныхъ водопадовъ и т. п., художникъ показалъ область необычайно близкую, родную и, притомъ, очень интимную, обвѣянную тихой прелестью, теплотой и своеобразнымъ романтизмомъ ушедшихъ годовъ. Таковъ, въ частности, „Бабушкинъ садъ“. Онъ такъ близокъ по духу „Дворянскому гнѣзду“... Уходящая жизнь „сада“ такъ насъ трогаетъ...

Изъ сада мы выходимъ на „Московскій дво-

рикъ“, этой другой стороны „бабушкина дома“ Попали... въ деревенское захолустье... Глазъ нельзя оторвать отъ очаровательной картинки такого „захолустья“... Какъ чувствуется синее небо съ легкими облаками, полуденный зной, покой, дремота, уютъ!.. Краски прозрачны... Все полно ласкающей душу поэзіей и въ то же время все родное, родное...

Левитанъ, ученикъ Полѣнова, вышелъ изъ этихъ картинъ, углубивъ и расширивъ поэтический и живописный діапазонъ ихъ. За Левитаномъ и одновременно съ нимъ пошли другіе мастера, обогативъ наше искусство шедеврами, такъ называемаго, „интимнаго пейзажа“.

Въ заключеніе о Полѣновѣ, нельзя не остановиться на его прекрасной вещи „Болезнь“. Въ бытность въ Парижѣ ему пришлось быть свидѣтелемъ грустной сцены, гдѣ умирала бѣдная, заброшенная всѣми русская курсистка. Художникъ увлекся сюжетомъ, очень своевременнымъ въ тогдашнемъ русскомъ искусствѣ, и горячо взялся за работу. Получилась превосходная картина, но съ явнымъ ущербомъ сюжета. По репродукціи „чернымъ“, къ сожалѣнію, нельзя судить объ этомъ „ущербѣ“... Дѣло въ томъ, что художникъ все свое вниманіе обратилъ на красочную передачу атмосферы, окружавшей больную, въ частности — на воздушную и свѣтовую ея перспективы. Огонь, просвѣчивающій чрезъ зеленый абажуръ лампы, лучи его — вотъ что больше всего заинтересовало Полѣнова и чему онъ отдалъ свой талантъ, проявившійся въ данномъ случаѣ съ исключительнымъ блескомъ. По крайней мѣрѣ, безъ конца можно любоваться свѣтомъ, идущимъ отъ лампы и вступающимъ въ острую борьбу съ темнотой, которой дышитъ вся комната. Трагедія смертнаго часа, иначе — самый сюжетъ картины, несмотря на его тонкую, по своей психологичности, разработку, отступаетъ на второй планъ предъ богатствомъ чистой живописи.

Какъ извѣстно, Полѣновымъ для Мамонтовскаго театра въ Москвѣ написанъ рядъ превосходныхъ декораций, именно къ операмъ: „Русалка“, „Фаустъ“, „Садко“, „Жизнь за царя“. Склонность художника къ широкимъ, эффектнымъ композиціямъ, къ красочности красокъ, ихъ освѣщенію нашла въ театральной работѣ большое себѣ примѣненіе.

VI

Никакихъ „заграницъ“, а слѣдовательно, и вліянія Макартовъ, Беклиновъ... Ни Востока со всѣми его „пряностями“... Ни многого того, чѣмъ была насыщена жизнь и творчество Полѣнова, — ничего этого мы не находимъ у Прянишниковъ. Онъ немислимъ безъ Россіи, какъ безконечно влюбленный въ ея народную жизнь и очарованный русской природой.

Прянишниковъ еще ожидаетъ пересмотра своего мѣста въ исторіи русской живописи, гдѣ ему отведено немного строкъ и, притомъ, явно несправедливыхъ, по крайней мѣрѣ, въ новѣйшей исторіи русскаго искусства В. Никольскаго (Бер-

линъ, 1923), написанной, нужно сказать, весьма тенденціозно, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ тенденціознѣйшей книги А. Бенуа („Ист. русск. иск.“). Прянишникову удѣлено здѣсь четверть страницы такого, напр., содержания: „Въ группѣ передвижниковъ, интересовавшихся городскимъ бытомъ, прежде всего долженъ быть упомянутъ И. М. Прянишниковъ... Его „Шутники“ — яркое обличеніе жестокости нравовъ Замошкворѣчья... Весь обличительный пылъ Прянишникова вылился въ этой его картинѣ, а за нею пошли усмѣшки, хихиканья, массовыя сцены крестьянской жизни и совѣмъ ужъ пошловатые сюжетцы“ (184 стр.).

Такъ пишется исторія.

Бѣдный Прянишниковъ, попавшій въ исторію къ г. Никольскому...

Посмотрите на „Конецъ охоты“, картину, которую, очевидно, г. Никольскій проглядѣлъ. Развѣ эта вещь не даетъ вамъ ощущение хорошаго осенняго добраго дня? Развѣ вы не чувствуете сырого воздуха, пронизаннаго запахомъ опавшихъ листьевъ? Этотъ рѣденькій лѣсъ съ синеватыми просвѣтами неба развѣ не вызываетъ у васъ воспоминаній о знакомыхъ мѣстахъ? А какъ чудесно даны охотники! Вотъ, напримѣръ, этотъ, что трубитъ въ рогъ, надувъ во всю силу свои толстыя щеки... Замѣчательно также прочувствованы собаки... Онѣ съ такой жадностью подняли морды къ другому охотнику, который отрѣзаетъ для нихъ лапки зайца.

Вся картина прежде всего насыщена подлинной экспрессіей. Она живетъ! А затѣмъ, развѣ пейзажъ, взятый самъ по себѣ, не захватываетъ васъ разливомъ въ себѣ осенняго

настроенія, чего художникъ достигаетъ только благодаря знанію тайнъ живописи и умѣнью передать ихъ съ помощью красокъ?..

Никакого здѣсь нѣтъ спеціальнаго сюжета, никакихъ обличеній, а просто живописный мотивъ, неразрывно связанный съ русской природой, которую Прянишниковъ глубоко чувствовалъ и художественно передавалъ. Его вліяніе на московскую школу пейзажистовъ поэтому несомнѣнно.

Не найдете вы обличенія (далось оно, право, „мѣръ-искусственникамъ“) и „Въ 1812 году“. Картина изображаетъ бѣдствующихъ людей. Она полна добродушія и опредѣленно выражаетъ тѣ невѣроятныя отношенія, которыя возникли въ снѣжныхъ сугробахъ Россіи между русскими мужиками и „великой арміей“. Вы съ любопытствомъ разсматриваете лица „героевъ“, но баба, которая конвоируетъ барабанщика и его двухъ товарищей, захватываетъ васъ. Она стоитъ спиной, но какъ стоитъ!.. Такъ великолѣпно поставить ее могъ только большой художникъ. Очень скоро вы догадываетесь, что въ „бабѣ“ — центръ картины, что весь трагикомизмъ послѣдней обуславливается экспрессивной передачей дѣловито-военнаго настроенія отнынѣ „знаменитой бабы“... И вся эта „исторія“ раскрывается на фонѣ русской зимы и безграничной, такъ хорошо знакомой равнины, духъ которой удивительно переданъ художникомъ. Разумѣется, что ради этой именно равнины Прянишниковъ написалъ и „Порожняковъ“. Да, холодно ѣхать бѣдному семинаристу, котораго мужичокъ подвезъ... Да, можно расписаться по поводу голодной и оборванной молодежи... И расписыв-

В. Д. Полѣновъ — „Среди учителей“

V. Polenoff — „Among the teachers“

вались. Самъ Щедринъ-Салтыковъ отозвался обличительнымъ словомъ по поводу сюжета данной картины. Но развѣ художникъ имѣлъ въ виду здѣсь, главнымъ образомъ, сюжетъ? Ничего подобнаго! Намъ ясно, что поставилъ онъ свою цѣлью разрѣшеніе чисто-живописной задачи, а именно: передать и снѣжную равнину, по которой извивается дорога съ бѣгущими дровнями порожняковъ, и вообще мотивъ русской зимы съ ея холодно-красивыми вечерами, переливами зимняго солнца на темнѣющемъ небѣ, и т. д. и т. д.

Глубокое воспріятіе и выраженіе русской природы мы находимъ также на картинѣ „Спасовъ день на Сѣверѣ“. Здѣсь, кромѣ того, мы поражаемся разнообразію характерно-выписанныхъ крестьянскихъ типовъ. То же мы видимъ и въ „Возвращеніи съ ярмарки“, гдѣ однако превалируетъ пейзажъ, гдѣ и воспроизведеніе „чернымъ“ (см. нашу репродукцію) не мѣшаетъ почувствовать самый пейзажъ, его воз-

душную перспективу, легкость и изящество красочныхъ тоновъ.

Если мы перейдемъ теперь непосредственно къ сюжетнымъ вещамъ Прянишникова, то, безпристрастно анализируя ихъ, скорѣе замѣтимъ незлобивое, добродушно-юмористическое изображеніе бытовыхъ сторонъ русской жизни, чѣмъ какое-то ихъ обличеніе, что хотѣлось видѣть современникамъ художника „похвалы его ради“, а новымъ людямъ—„хулы для“... Хотя бы знаменитые „Шутники“...

Стасовъ нашелъ здѣсь выраженіе такого ужаса повседневной жизни, предъ которымъ „становятся малы и слабы всѣ варварства и ужасы войны“, а посему объявилъ „Шутниковъ“ „по глубинѣ и патетичности сюжета, первой картиной въ русскомъ искусствѣ“!..

На то и Стасовъ, чтобы авторитетно и громко заявлять такія вещи. Свое онъ хотѣлъ видѣть тамъ, гдѣ и намекъ почти на него не было.

В. Д. Полѣновъ — „Мечты“

V. Polenoff — „Musing“

В. Д. Полъновъ — „Вошли на Голгоѳу“

V. Polenoff — „Arrived to Golgotha“

Для насъ же, спокойно разсматривающихъ „Шутниковъ“, они абсолютно не идутъ въ сравненіе съ „варварствами и ужасами войны“...

Спившійся чиновникъ забрелъ на Гостиный дворъ. Его здѣсь всѣ знаютъ. Нѣсколько разъ просилъ у купцовъ на похороны жены, дѣтей... Любитъ выпить, бѣжить отъ работы. Ну, надъ нимъ и смѣются. Да и какъ не посмѣяться крѣпкому, здоровому русскому человѣку надъ человѣчишкомъ, который самъ себя не уважаетъ и изъ горя своего „комедь ломаеть“. Ну, и ломай, а „мы вообще посмѣемся“, не зло, не ядовито, не съ укоромъ, а такъ,—для забавы...

И смѣются. Каждый на свой ладъ. А нѣкоторые, солидные, даже съ скрытой жалостью смотрятъ на „пропащаго человѣка“.

„Шутники“ также полны экспрессіи. Любопытна ихъ композиція по распредѣленію всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, по мѣсту ихъ въ живой сценѣ.

Своеобразнымъ юморомъ обвѣяны и „Въ мастерской художника“, и „Охота пуще неволи“, и „Чтеніе письма въ овощной лавкѣ“. Конечно, въ первой и послѣдней сюжетъ — на первомъ мѣстѣ. Подобныя сцены, представляя какъ бы иллюстраціи къ разсказу, сами по себѣ, безъ очень глубокой разработки психологіи дѣйствующихъ лицъ, не могутъ быть интереснымъ предметомъ живописи. Вся сила изобразительнаго искусства, т. е. непередаваемая красота рисунка, самого штриха и колорита картины, здѣсь какъ бы не нужна и поэтому часто отсутствуетъ. Но, вѣдь, эти вещи далеко не лучшія въ творествѣ Прянишникова. Онѣ

явились вынужденной данью времени. Сюжетныхъ картинъ тогда требовали. Зато какъ сразу вырастаетъ художникъ въ милой, неприятательной картинѣ „Охота пуще неволи“. Какъ гармонируетъ съ окружающимъ пейзажемъ этотъ, повидимому, отставной чиновникъ, стоящій по колѣна въ водѣ и всецѣло отдавшійся ловлѣ пискарей!.. Какъ прозрачна вода и легокъ воздухъ, и четкой представляется фигура „охотника“, забывшаго весь міръ и себя самого!..

VII

Неодинаково сложилась жизнь Полънова и Прянишникова. Изъ разныхъ круговъ общества они вышли. Были они люди разной умственной культуры. Различны были ихъ пути художественнаго творчества, неодинаковы художественные интересы...

Однако, послѣднее различно, можетъ быть, только на первый взгляд... Было нѣчто общее у нашихъ художниковъ, что таилось въ самой глубинѣ ихъ творчества, что объединило ихъ, сдѣлавъ пионерами на новыхъ путяхъ русскаго искусства, и чего забывать, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ. Это—служеніе чистому искусству, это — проповѣдь его самодовлѣющей цѣнности, это—стремленіе, по возможности, каждый сюжетъ представить живописно и даже обойтись вообще безъ сюжета или же удѣлать ему второе мѣсто, отдавъ первое — краскамъ, колориту и выраженію съ помощью ихъ чувства художника, восхищенно глядящаго на весь Божій міръ.

ИЗЪ ПОЭМЫ ПЕРСИДСКАГО НАРОДНАГО ПОЭТА ХАЙЯМА

1

Расшилъ Хайямъ такъ мудро свой шатерь!
Но смерть тотчасъ же развела костеръ
И бросила шатерь на кормъ огню,
Продавъ на пѣсни золотой узоръ.

2

Мірѣ кажется мнѣ шахматной доской.
Ночь — день — поля — и пѣшки мы съ тобой —
И нами движутъ какъ хотять, насъ бьютъ
И въ темный склепъ бросаютъ на покой.

3

Что кроется за занавѣсью тьмы?
Не разгадаютъ лучшіе умы,
Но наконецъ та занавѣсь падеть,
И мы увидимъ, какъ ошиблись мы.

4

Безъ хмеля — безъ улыбки жизни нѣтъ!
Лишь флейты звукъ дастъ радость намъ и свѣтъ!
Что день холодный, солнца рѣзкій лучъ!
Нѣтъ! Пиръ вечерній, вотъ гдѣ жизни цвѣтъ!

5

Весна настала, блещетъ новизной
Весь міръ, березы свѣтятъ бѣлизной,
Цвѣтутъ деревья — чудо Моисей
Свершилъ — Христосъ вновь съ набожной толпой.

6

Замолкли, царь Давидъ, твои уста,
Но все еще пѣснь соловья слышна.
Вино! — Любовь! — надъ бѣлой розой онъ
Поетъ, пока зардѣветъ роза та.

7

Ты обойдешь, обиженъ — позабудь —
Потянется вновь ровный жизни путь.
Не ту страницу бѣглый вѣтерокъ
Могъ въ вѣчной книгѣ жизни повернуть.

8

Пей, веселись! Въ огонь молодой весны
Бросай скорѣй дырявый плащъ зимы.
Вѣдь птичка - время крылышкомъ взмахнетъ
И улетитъ, — ужъ близко царство тьмы.

9

Подобны каплѣ мы, что вдругъ блеснетъ
Въ роскошной жизни чашѣ — и спадетъ,
О, сколько капель вѣчная рука
Ужъ проливала и еще прольетъ.

10

И насъ не станеть, — но не все - ль равно,
Для міра это, правда, все одно:
Не будетъ насъ съ тобой — и постоитъ
Вѣдь міръ, какъ онъ до насъ стоялъ давно.

11

Вотъ мой совѣтъ — всѣхъ мудрыхъ словъ мудрѣй:
Безъ устали изъ чаши жизни пей;
Стригутъ деревья, чинно чтобъ росли,
Себя - жь остричь — что можетъ быть глупѣй!

Перев. Германъ Цуръ-Мюллеръ

В. Д. Полѣновъ — „На Генисаретскомъ озерѣ“

V. Polenoff — „On the shore of the Galilean Sea“

В. Д. Полъновъ — „Тивериада“

V. Polenoff — „Tiberiad“

ГЕОРГІЙ ПЕСКОВЪ

ВАЛЬКИРІЯ

На наружной двери прибили надпись: „Аудиторія и лабораторія медицинской химіи“. Изъ гостиной спѣшно вынесли рояль, тяжелыя крытыя краснымъ атласомъ кресла, пуфы, круглый столъ. Втащили и разставили рядами длинныя садовыя скамейки, а передъ ними повѣсили добытую откуда-то черную доску. Чѣмъ не аудиторія?

Остался только свѣшивающійся съ потолка бронзовый амуръ, который держаль въ рукѣ факель съ розовымъ стекляннымъ огнемъ. Его оставили за неимѣніемъ другой арматуры. Онъ все дѣло портилъ.

Евгеній Ивановичъ, стоя на высокой лѣстницѣ, собственноручно снималь со стѣнъ гравюры, изображавшія влюбленныхъ грековъ и гречанокъ у колодца, нимфъ и танцующихъ въ капорахъ дамъ въ стилѣ ампиръ.

Вошла Валькирія. Она куталась въ платокъ и ежилась какъ воробушекъ, — было холодно. Черезъ свои старушечьи очки, близко нагибаясь, словно вынюхивая, она осмотрѣла новую обстановку.

— Ну какъ? Ничего? Хоть немного-то похоже?—громко, чтобы она слышала, спросилъ Евгеній Ивановичъ.

— А что же такой? И конечно, — успокоительно сказала старушка. — Aber das muss weg. Снимайтъ это. — Она указала на амура.

— Яи самъ знаю, что „снимайтъ“,—проворчалъ Евгеній Ивановичъ, — да лампочки другой нѣтъ. Лампочки нѣтъ! — закричалъ онъ, видя, что она не слышитъ.

— Ну, нишево. Mach nichts. —Она вынула носовой платокъ, поднесла его какъ-то сбоку

къ лѣвому глазу, разбирая рубецъ, и, разобравъ, громко высморкалась, теребя свой большой носъ.

— Шай пить хотить? — спросила потомъ.

— Нѣтъ, некогда. Пейте одна. Я говорю, пейте одна!

— Какъ же такъ, чтобы съ утра не имѣть нишво во рту? Я вамъ буду наливатьъ.

Она ушла, а Евгеній Ивановичъ сердито продолжалъ вырывать клещами гвозди.

Чуть ли не двадцать лѣтъ прожила въ Россіи, а говорить не научилась. Вотъ въ такія минуты, какъ сейчасъ, когда голова и безъ того идетъ кругомъ, это ужасно злитъ. И потомъ, она точно не понимаетъ опасности. Ну, положимъ, глухая и слѣпая еще сверхъ того, но не можетъ-же она не замѣчать, что кругомъ нея происходитъ.

Когда Евгеній Ивановичъ шепчетъ ей на ухо, что сегодня, онъ слышалъ, будутъ ходить по домамъ и отбирать цѣнныя вещи, или что въ городѣ арестовываютъ поголовно всѣхъ выходящихъ на улицу мужчинъ, она смотритъ на него своими невозмутимыми глазами и преспокойно отвѣчаетъ:

— На, ну, глупости каки. S'ist nicht möglich.

Вотъ и поговори съ такой.

Нужно же было случиться, что изо всѣхъ домашнихъ въ отцовскомъ домѣ остались вмѣстѣ только они двое. Старики умерли еще въ началѣ революціи, братья эвакуировались со своими частями, невѣстка передъ самымъ приходомъ красныхъ уѣхала съ дѣтьми къ роднымъ въ Ялту. Воспитавшую и ее самое и дѣтей старуху-гувернантку оставила ему въ наслѣдство. Евгеній Ивановичъ ея почти не зналъ,

при встрѣчахъ подтрунивалъ надъ нею и вмѣсто „Брунгильда Карловна“ называлъ ее „Валькирией Карловной“. Старушка дѣлала видъ, что сердится, и говорила:

— На, ну, глупости каки.—Въ этомъ только и состояли ихъ отношенія до сихъ поръ. А теперь вотъ онъ принужденъ дѣлать съ этой Валькирией всѣ радости новаго совѣтскаго режима.

Положимъ, она прекрасная женщина, можно даже сказать — рѣдкая, честная, преданная, словъ нѣтъ! Но отъ этого Евгению Ивановичу не легче. Ему хотѣлось бы имѣть около себя человѣка, умѣющаго входить въ положеніе, понимающаго съ полслова. А тутъ кричи ей десять разъ одно и то же, а услышитъ, такъ все равно:

— Ach, das ist ja garnicht so arg.

Евгений Ивановичъ кончилъ съ гравюрами и принялся за большой, въ золотой тяжелой рамѣ, портретъ матери. Онъ виситъ здѣсь лѣтъ тридцать. Мать изображена на немъ во весь ростъ, въ странномъ, облегающемъ бюстъ платьѣ моды восьмидесятыхъ годовъ, съ турнюромъ сзади и множествомъ волановъ на юбкѣ. Причесана гладко. На лбу челка прямыхъ, ровно подстриженныхъ волосъ. Евгений Ивановичъ не зналъ ея такою, но съ портретомъ свыкъся и любилъ. Надо спрятать его подальше, чтобы не насмѣхались.

Въ передней постучали. Онъ побѣжалъ отпираться. По дорогѣ вспомнилъ о лѣстницѣ, вернулся и потащилъ ее въ сосѣднюю комнату.

— Брунгильда Карловна! Брунгильда Карловна! — кричалъ онъ. Но она не слыхала.

Теперь уже не стучали, а колотили въ дверь. Евгений Ивановичъ отперъ.

Ввалились. Трое. Мужчина развязнаго вида и двѣ женщины. Одна въ кепкѣ и въ кожаной, слишкомъ большой и широкой для нея курткѣ; другая молодая, красивая, въ повязанномъ на затылкѣ красномъ платочкѣ.

— Это аудиторія? — иронически спросилъ мужчина.

— Какъ видите. — Евгений Ивановичъ уже усвоилъ ту манеру, которая была нужна „съ ними“. Пробовалъ сначала заискивать, но всегда выходило хуже.

— Что же тутъ лекціи читаютъ?

— Да, читаютъ лекціи.

Оба смотрѣли другъ на друга съ вызовомъ и наглостью. Женщина въ кепкѣ вынула записную книжку и карандашъ.

— Въ которомъ часу бываютъ лекціи? — спросила она тономъ сыщика.

— Это ужъ вы въ университетѣ справьтесь.

— А лабораторія?

— Лабораторія еще не оборудована.

Мужчина насмѣшливо захохоталъ.

— Вы профессоръ?

— И не думаю быть профессоромъ.

— Ни лекцій, ни профессоровъ, — сказала мужчина, обращаясь къ своимъ спутницамъ. Потомъ приказалъ:

— Покажите помѣщеніе.

— Да вы отъ кого, собственно? — спохватился Евгений Ивановичъ.

Тотъ вытащилъ и сунулъ ему какую-то бумажку со множествомъ неразборчивыхъ подписей и круглыхъ печатей.

Евгений Ивановичъ кивнулъ головой — хотя хорошенько и не разобралъ бумажки — и повелъ ихъ въ слѣдующую комнату, гдѣ стояла лѣстница и снятыя картины.

— Товарищъ Громовъ, — сказала дѣвица въ красномъ платочкѣ, — смотрите, картинки для клуба годятся.

— Сколько картинъ? — строго спросилъ Громовъ.

— Я не считалъ.

— Вѣдь вы бывшій владѣлецъ. Какъ же вы не знаете, сколько у васъ чего? Товарищъ Мартынова, отберите подходящія и пересчитайте.

Онъ пошелъ дальше.

Это все, что находится въ пользованіи университета, — сказала Евгений Ивановичъ. — Вотъ двѣ комнаты.

А остальные?

— Частное помѣщеніе.

— Ничего, мы и частное посмотримъ.

— У меня больная тетка, — запротестовалъ было Евгений Ивановичъ.

Они прошли не отвѣчая. Осмотрѣли все. Заглянули во всѣ чуланы.

Кабинетъ, куда было снесено все наиболѣе цѣнное и дорогое по воспоминаніямъ, служилъ теперь одновременно спальней Брунгильды Карловны и столовой.

Когда они вошли, старушка мирно пила чай, пододвинувъ небольшой столикъ къ топившейся желѣзной печуркѣ. Она аппетитно накладывала на черный хлѣбъ ломтикъ свиного сала.

— Was ist denn wieder los? — спросила она и уставилась на вошедшихъ. — Was wollen denn die?

Евгений Ивановичъ не отвѣтилъ.

— Это помѣщеніе гораздо лучше нашего, — сказала дѣвица въ кепкѣ. — Двѣ первыя комнаты...

— Это мы разберемъ. Охранная грамота у васъ? — спросилъ товарищъ Громовъ.

Евгений Ивановичъ повелъ ихъ обратно въ переднюю и ткнулъ пальцемъ въ одну изъ висѣвшихъ на двери бумажекъ.

Пришедшіе стали разбирать ее.

— Это недѣйствительно, — сказала дѣвица въ кепкѣ.

— Почему недѣйствительно? — заволновался Евгений Ефимовичъ.

— А вы сами не знаете? — ядовито спросилъ мужчина.

— Нѣтъ, не знаю.

— Ну, такъ я вамъ это говорю! — Онъ хотѣлъ сорвать бумагу, но она была плотно приклеена къ стеклу.

— Ладно, потомъ! Идемъ, товарищъ. Ясно, что университетомъ тутъ не пахнетъ. Товарищъ Мартынова, мы уходимъ.

Всѣ трое вышли.

В. Д. Полѣновъ — „Ранній снѣгъ“

V. Polenoff — „Early snow“

Евгеній Ивановичъ вернулся въ комнату Брунгильды Карловны. Она перетирала посуду и аккуратно ставила ее въ шкафчикъ.

— Sind sie fort? Они ушелъ?—спросила она. Ушли, но навѣрно вернуться и будутъ здѣсь жить. Имъ понравилась гостиная и зала.

— Wie so? А университетъ.

— Брунгильда Карловна! Я уже неоднократно имѣлъ честь докладывать вамъ, что законовъ сейчасъ не существуетъ, а дѣйствуетъ произволь.

— Was heisst „произволь“? Я не понимаю. Но вѣдь есть Regierung... правительство.

В. Д. Полѣновъ — „Бабушкинъ садъ“

V. Polenoff — „Grandmother's garden“

Евгеній Ивановичъ махнулъ рукой.

— Э, сказка про бѣленькаго бычка!—Онъ устало повалился на стулъ.

— Скушайте шево-нибудъ. Сало отлични, — предложила Брунгильда Карловна.

— Дайте.

Она стала рѣзать тупымъ ножомъ сало, а онъ смотрѣлъ, и ему казалось, что она старается перепилить ему нервы. Взявъ у нея ножъ, началъ злобно точить. Брунгильда Карловна, видя его настроеніе, налила ему чаю, подставила хлѣбъ и, отойдя къ окну, усѣлась читать черную книжечку съ золотымъ обрѣзомъ. Евгений Ивановичъ зналъ, что это былъ сборникъ протестантскихъ церковныхъ пѣсенъ и псалмовъ, очень смѣшныхъ и наивныхъ. Брунгильда Карловна не разставалась съ нимъ и всегда прибѣгала къ нему въ печаляхъ.

На другой день товарищи вернулись. Заклеили университетскую охранную грамоту какой-то другой бумажонкой съ печатями и начали располагаться въ двухъ переднихъ комнатахъ какъ дома. Вынести ничего, кромѣ садовыхъ скамеекъ, не позволили. Даже портретъ матери. Вдвинули обратно рояль, мягкую мебель. Потребовали кровати.

Товарищъ Громовъ и дѣвица въ кепкѣ работали въ собесѣ и съ утра уходили съ толстыми портфелями. Другая дѣвица оставалась дома. По вечерамъ къ нимъ приходили еще товарищи въ пестрыхъ татарскихъ тюбетейкахъ, играли на рояли и пѣли хоромъ интернаціональ.

Евгеній Ивановичъ избѣгалъ ихъ и не здоровался. Брунгильда Карловна, напротивъ, сейчасъ же свела знакомство. Узнала, что такое собесѣ, и даже одобрила, что тамъ бесплатно выдаютъ груднымъ дѣтямъ молоко. Только замѣтила, что было бы правильнѣе „не разбирать, кто какое имѣетъ происхожденіе“.

Товарищи смотрѣли на нее, какъ на чудачку.

Чаще всего, гуляя въ саду, она встрѣчалась и разговаривала съ товарищемъ Мартыновой. Это была красивая, раскормленная, очень еще, должно быть, молодая дѣвушка съ гривой стриженныхъ волосъ, дѣтскими глазами и истерическимъ ртомъ.

Разъ Брунгильда Карловна увидѣла, какъ товарищъ Громовъ уходя обнялъ и поцѣловалъ товарища Мартынову въ шею.

— Это вашъ мушъ? — спросила потомъ Брунгильда Карловна.

— Нѣтъ. Такъ... товарищъ.

— Sonderbar!

Брунгильда Карловна чѣмъ-то понравилась товарищу Мартыновой. Старушка сказала, что ей, „чтоби принимайтъ іоодъ“, нужно молоко. Та стала давать ей по полчашки въ день. Брунгильда Карловна молоко брала, но держалась попрежнему независимо.

Евгенію Ивановичу это знакомство не нравилось.

— Охота вамъ! — говорилъ онъ. — Что у васъ съ ними общаго? Я бы на вашемъ мѣстѣ ничего отъ нихъ не принималъ.

— Глупости каки!—сердилась она.—Она сама предложилъ. Почему же я не долженъ брать?

Наступила весна. Въ саду все стрекотало. пѣло, цвѣло. Одурающе пахло бѣлой акаціей. Брунгильда Карловна, любившая природу тою сентиментальной и нѣжной влюбленностью, на которую способны одни нѣмцы, гуляла въ саду съ товарищемъ Мартыновой. Старушка расчувствовалась и сказала что-то о великолѣпнн Божьяго міра.

— Почему Божьяго? — засмѣялась та.

Брунгильда Карловна покраснѣла, какъ индѣйскій пѣтухъ.

— Я знай, ви Бога не признавайте, а я признавай. Ну, и все тутъ. Genug.

Товарищъ Мартынова почла бесполезнымъ вести передъ Брунгильдой Карловной антирелигіозную пропаганду.

Въ серединѣ лѣта товарищъ Мартынова вдругъ заболѣла. Нѣсколько дней она не выходила въ садъ, потомъ какъ-то рано утромъ къ Евгенію Ивановичу постучалъ товарищъ Громовъ и сухо, но вѣжливо передалъ:

— Товарищъ Мартынова больна и проситъ вашу родственницу зайти къ ней.

— Неужели вы пойдете? — спросилъ старушку Евгений Ивановичъ.

— Warum nicht? Ви слыхалъ — она больной.

— Ну, и чортъ съ нею.

— Ви тоже не вѣрите въ Бога, Евгений Иванъчъ, — сказала она, сердито покраснѣвъ.

— Я вамъ и не говорилъ, что вѣрю.

— Вы расущдайтъ зовершено, какъ коммунистъ. За што-шъ ви ихъ такъ не любилъ? Das ist unkonsequent, — замѣтила Брунгильда Карловна.

Брунгильду Карловну поразилъ ужасный беспорядокъ въ комнатахъ товарищей. На столѣ вмѣстѣ съ неубранной посудой валялись журналы, газеты, окурки. По стульямъ — платье, чистое и надѣванное бѣлье. Тутъ же всевозможные припасы.

Товарищъ Мартынова лежала полуодѣтая на кровати и читала книгу.

— Ви простудились? — спросила, подходя къ ней вплотную, Брунгильда Карловна.

— Нѣтъ, абортъ сдѣлала, — вяло отвѣтила товарищъ Мартынова.

Брунгильда Карловна не разслышала и подставила ухо.

— Абортъ сдѣлала!

— Фуй! — ужаснулась старушка. — Сашемъ ше этъ?

— Не хочу имѣть ребенка.

— Das ist grässlich! Этъ ушасно! Какъ ви могли?

— Что же особеннаго? — усмѣхнулась товарищъ Мартынова.—Это всѣ дѣлають. Я только боюсь, что у меня не совсѣмъ удачно. Страшная боль въ поясницѣ и прямо истекаю кровью.

— Нешасни дѣвушка! — воскликнула Брунгильда Карловна. — Ви можетъ умирайтъ отъ свой ушасни поступка!

В. Д. Полъновъ — „Болная“

V. Polenoff — „The sick student“

Истериическій ротъ товарища Мартыновой дрогнулъ.

— Я и сама боюсь,—прошептала она, откинулась лицомъ въ подушку и заплакала.

— Теперь ушь плакать не помогайтъ, — строго глядя черезъ очки сказала Брунгильда Карловна. — Я васъ тогда хотѣлъ предупредить, потому что я видалъ, прекрасна видалъ. А ви говорилъ: „это мой товарищъ“. И вотъ результатъ.

— Вы не знаете, это очень опасно? Неужели я умру? Какъ вы думаете? — рыдая спрашивала товарищъ Мартынова.

— Почему ше я могу знайтъ? Я абортъ не дѣлалъ. И мой знакоми тоже никто не дѣлалъ абортъ. Потому што это совершено бѣз-нравствено.

— Я такъ боюсь умереть! Умереть боюсь! — капризно и злобно крикнула товарищъ Мартынова.

— И конечно ви боитись. И это ушасно, когда такой молодой, и въ Богъ не вѣритъ. Если би ви вѣрилъ въ Богъ, тогда ви не боялси би такъ умирайтъ.

Товарищъ Мартынова рыдала все сильнѣе. Какъ ни возмущена была Брунгильда Карловна, ей стало жаль ее.

— Я думай, што ви не будетъ умирайтъ, — сказала она успокоительно.—Потому што ви дѣвушка молодой и здорови. Надо только быть vernünftig — благоразумни. Я буду вамъ давать немного кофѣ. У меня осталсъ. Сичастъ.

Брунгильда Карловна пошла къ себѣ за кофеемъ.

— Что же вы ей тамъ псалмы читаете, что -ли? — не удержался Евгений Ивановичъ.

— Wie so? Сашемъ псалми? Sie versteht

doch nicht deutsch, — невозмутимо отвѣтила Брунгильда Карловна.

Товарищу Мартыновой стало хуже. Поднялась температура. Щеки больной горѣли. Въ возбужденныхъ и растерянныхъ глазахъ ея былъ необычный блескъ. Цѣлыми днями она плакала, что можетъ умереть. На товарищей, особенно на Громова, истерически кричала и грубо ругалась. Успокаивалась только, когда приходила Брунгильда Карловна, и она слышала ея старушечье ворчанье и возню. Тутъ она начинала плакать уже иначе, тихо, какъ пристыженный ребенокъ. Онѣ мало разговаривали. Брунгильда Карловна или опраляла больной одѣяло и подушки, сбившіяся во время ея буйствованій, либо, засучивъ рукава, своими маленькими узловатыми руками собирала по столу и выкидывала окурки, подметала полъ. Вообще наводила порядокъ хлопотливо, какъ воробей.

Она привыкла къ вопросамъ больной и почти ихъ не слушала.

— Закройте лучше окно! — говорила Мартынова.

— Ну да, я говорилъ, што вамъ гораздо лучше, — отвѣчала Брунгильда Карловна.

Первое время она приходила только въ отсутствіи другихъ товарищей, но такъ какъ съ больной безъ нея не было никакого сладу, то имъ волей-неволей пришлось мириться съ этой старухой, которая — они чувствовали — была по отношенію къ нимъ очень критически настроена. Они даже стали просить ее оставаться.

Съ ними Брунгильда Карловна никогда не пускалась въ разговоры. Не потому, что не считала ихъ за людей, но просто находя, что es ist nicht der Moment dazu и что „главни вещь теперъ больной“. Про себя Брунгильда Кар-

ловна твердо рѣшила сказать имъ со временемъ все, что ее въ ихъ жизни возмущало.

На четвертый день Мартыновой стало такъ плохо, что она уже никого не узнавала и бредила. Брунгильду Карловну она называла то мамой, то тетей Агашей, цѣловала у нея руки и просила въ чемъ-то прощенія. Какъ только старушка уходила, больная опять начинала кричать и буйствовать. Лѣчившій ее студентъ-медикъ сказалъ, что дѣло, вообще говоря, совсѣмъ дрянъ, но велѣлъ все-таки продолжать поить ее виномъ.

Та не соглашалась пить, отталкивала стаканъ, вино проливалось на постель, а больная изступленно кричала, чтобы всѣ убирались къ чорту, къ чорту, къ чорту! Потомъ опять звала тетю Агашу.

Евгеній Ивановичъ въ этотъ вечеръ долго не садился ужинать. Поджидалъ Брунгильду Карловну. За послѣднее время онъ не то привыкъ къ старушкѣ, не то просто успокоился — удалось устроиться на службу и паекъ получить — но она уже не злила его, даже возбуждала симпатію, немного, правда, ироническую.

„Вообще говоря, Валькирія невредная“, думалъ онъ, ставя для нея кипятить воду, „но оригиналка невѣроятная. Ну кто ее, спрашивается, тянетъ возиться съ этой особой?“

Чайникъ зашипѣлъ. Поставилъ разогрѣвать картошку и принялся отъ нечего дѣлать писать невѣсткѣ письмо.

Въ это время вошла Брунгильда Карловна.

— А, наконецъ-то, — сказала Евгеній Ивановичъ, — ну, что? какъ здоровье вашей раскаившейся Магдалины?

— Она умеръ, Евгень Иванчъ, — сказала Брунгильда Карловна и громко высморкалась, трясая головой и зажимая платкомъ то одну ноздрю, то другую.

— Въ самомъ дѣлѣ? — Евгенію Ивановичу стало неловко за свою неумѣстную шутку.

— Да, въ самъ дѣли. Она ошечь сильно страдалъ. Она навѣрни во внутренности просилъ Богъ простить свой большой Sünde. И я тоже просилъ. Потому что она билъ добри двушка. Она давалъ мнѣ молоко для іоодъ. И der Allmächtige про это зналъ.

Она замолчала.

— Покушайте картошки, Брунгильда Карловна, тронутымъ голосомъ сказалъ Евгеній Ивановичъ.

— Ньѣтъ, благодарсти. Я сить. — Она опять принялась сморкаться. Потомъ достала изъ-подъ своей подушки бѣлый мѣшочекъ съ готической надписью, вышитой на немъ голубымъ крестикомъ, и, поднеся его къ самому носу, отыскала и разстегнула пуговики.

И. М. Прянишниковъ
I. Prianishnikoff

— Ви не смотрите, Евгень Иванчъ, я буду надѣвать свой ночной блузъ.

Она сняла лифъ, надѣла просторную кофту, взяла съ ночного столика черную книжечку и подсѣла къ столу.

Евгеній Ивановичъ пододвинулъ къ ней ближе стоявшую на столѣ лампу.

Брунгильда Карловна сняла очки и сунула свой большой носъ въ книжку, точно усердно что-то въ ней разнюхивая.

Въ комнатѣ стало совсѣмъ тихо. Евгенію Ивановичу хотѣлось ѣсть, но было неловко.

Почитавъ немного, Брунгильда Карловна опустила книжку и потерла рукою уставшіе глаза.

— „Ein flüchl'ger Gost auf Erden hier!“ — произнесла она съ задумчивымъ и грустнымъ пафосомъ.

— Что вы сказали, Брунгильда Карловна? — отрываясь отъ письма спросилъ Евгеній Ивановичъ.

— Нишево. Я такъ.

— „An deinem Pilgerstabe“ ... я вамъ не мѣшай, Евгень Иванчъ? Это одинъ Grablied. Какъ это? Одинъ надгробни пѣсня. Шалко, што ви не панимайть. Я не знай, какъ это нушно переводить. Вотъ такъ, я думай:

„Съ твоей паломнишески палка“, или какъ это? ну, да „съ твоей паломнишески палка ти проходишь шерезъ поля и шерезъ хольми. Шерезъ сами високи хольми и шерезъ сами громадни гори. И шерезъ моря ти перепливайшь. Но шерезъ сами маленки холмикъ ти не перешагнулъ. Тутъ ти оставалси лежайть подъ этимъ холмикомъ, и тутъ ти будешь спайть свои вѣшни сонъ“.

Она помолчала.

— Этотъ маленки холмикъ — это могила, Евгень Иванчъ. Прекрасни Lied, не правда ли? Евгеній Ивановичъ улыбнулся.

— Я когда прочитай этотъ Lied, то всегда успокаивайся, — прибавила она.

— Счастливица вы, Брунгильда Карловна, — сказалъ Евгеній Ивановичъ.

— Wie so? Это какъ такой?

— Ей-Богу, я счастливѣе васъ человекъ не видывалъ.

Брунгильда Карловна фыркнула носомъ.

— Ви, конечно, пошутить, Евгень Иванчъ. Потому што я стари глухой и слѣпой инфальдъ. Но ви, мошеть битъ, и правда говориль.

Брунгильда Карловна вздохнула, заложила вышитой по канвѣ пожелтѣвшей закладкой свою книжечку, закрыла ее и отнесла на ночной столѣ.

— Я думай, што теперь нушно што-нибудь немношко покушайть, — сказала она неожиданно. Взяла сковородку и, низко нагибаясь, стала выбирать вилокъ самыя поджаристыя картошки.

И. М. Прянишниковъ — „Порожняки“

1. Прянишниковъ — „Free of lading“

И. М. Прянишниковъ — „Церковный староста“

I. Prianishnikoff — „The church keeper“

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

С Л А В О С Л О В І Е

Д В Е Р ь

Я и Отець — одно.

Евангеліе отъ Іоанна.

Я дверь. И кто войдетъ той дверью,
Тотъ выйдетъ вольный на поля,
Съ душою чуждой суевѣрью,
Лишь вѣру правую хваля.

Ты видишь Солнце тамъ высоко?
Всѣ — въ свѣтзвонахъ небеса.
Но также въ капль-это Око,
Что забаякала роса.

Но также звѣзды — въ малой травкѣ,
Пріявшей таинство чудесь,
И въ красногрудкѣ, въ пѣвчей славкѣ, —
Вся слава Зодчаго небесь.

Намъ нужно путь Отца уважить,
Отець и Я — всегда одно.
Кто Мной войдетъ, — найдетъ онъ пажить
И златопышное руно.

Когда ты грустенъ, выйди въ поле.
Не самъ-ли ты вспахалъ его?
Кто полностью въ сужденной долѣ,
Наслѣдникъ царства онъ всего.

Удѣлъ съ удѣломъ есть несхожий.
Но, рабъ Единому Царю,
Не Я-ль сказалъ, что Сынъ Я Божій?
Я волю Вышняго творю.

Я есмь. Я жизнь и воскресенье.
И кто увѣруетъ въ Меня,
Онъ перейдетъ свое пронзенье,
Очищенъ въ пламенахъ огня.

Пойми, обвитый пеленами,
Съ лицомъ обвязаннымъ платкомъ,
Что вышній Свѣтъ владетъ нами,
Въ которомъ молнія и громъ.

Есть мигъ всему. Есть часъ и тучамъ.
И, мертвый Лазарь, для тебя,
Рѣшеньемъ творчески-пѣвчимъ,
Онъ вскинетъ радугу, любя.

ВЪ ЯВНОМЪ И ТАЙНОМЪ

... Тебя поетъ солнце...

Требникъ

Въ явномъ и тайномъ святыня одна.
Солнце поетъ Тебя, славить Луна,
Море Тебѣ подчиняетъ свой бѣгъ,
Бѣлыми пчелами крутится снѣгъ.

Въ каждой снѣжинкѣ Ты явленъ очамъ,
Степью созвѣздіи идешь по ночамъ,
Вѣтеръ объемлющій носитъ Творца,
Перевязь — зори прядутъ безъ конца.
Неизглаголаный вѣчный глаголь,
Славить Тебя расцвѣтающій доль,
Рѣчка лѣсная и горный потокъ
Твой выполняютъ извѣчный урокъ.

Мыслью пронизана вся голубой,
Высь преисполнена вѣчно Тобой,
Дѣти, рождаясь намъ, въ первый свой часъ
Взоромъ хранятъ еще синій Твой сказъ.
Пѣсней Твоей забаякана ширь,
Въ зимахъ Тобою пылаетъ снѣгирь,
Чашечки медомъ наполнивъ, цвѣты
Дышатъ, когда наклоняешься Ты.
Бездны трепещутъ, заслышавъ Тебя,
Полночь — въ истомѣ, зарницы дробя,
Въ роцѣ безумствуетъ Твой соловей,
Дай мнѣ наитіе силы Твоей.

Р И З Ы

... Тебѣ присутствуютъ звѣзды...

Требникъ

Въ безднахъ свѣтильники, полные славой,
Скрѣплены звѣзды Твоею державой,
Звѣзды поютъ и Тебѣ предстоятъ,
Въ пропасть роняютъ Твой Божескій взглядъ.

Промыслomъ видящимъ — зодчество въ мірѣ,
Плещутъ стихіи, число ихъ четыре,
Ликомъ четыре, летятъ времена,
Въ таинствѣ зимнемъ взростаетъ весна.

Осень и жатва, расцвѣты и лѣто,
Пѣсня поется, но вся не пропѣта,
Въ вѣчной работѣ гудящій станокъ,
Звучны полеты скликаемыхъ строкъ.

Тонко изсѣчены области міра,
Сводъ изъ чистѣйшаго скованъ сапфира,
Яхонтъ багряный и съ нимъ голубой
Вкрѣплены въ теремъ небесный Тобой.

Въ облакѣ тающемъ ладанны дымы,
Многоочитые въ нихъ херувимы,
Ликъ серафимовъ кадитъ бытію,
Каждый укрылся крылами шестью.

Къ вѣщимъ Твоимъ приобщившись основамъ,
Ветхій и дряхлый сталъ свѣтлымъ и новымъ,
Радуги мостъ упирается въ громъ,
Ризы соткались и рдѣютъ кругомъ.

Въ воздухѣ рѣютъ жужжащія мошки,
Цвѣтомъ увились лѣсныя дорожки,
Травкою дольной вспоенъ еиміамъ,
Звонъ колокольный плыветъ по вѣтрамъ.

К О Л О К О Л Ъ

... Повелѣніе положи и не
мимо идетъ...

Требникъ

Голосъ Господень въ единой твердынѣ
Гуломъ качается древле и нынѣ,
Возгласъ взростающихъ великолѣпій,
Слышный и въ темномъ подземномъ вертепѣ.

Кедры-ли горные радостнымъ звонамъ
Тайно не вняли въ безгласи зеленомъ?
Море-ли Синее взбѣгами вала
Гуламъ разгуднымъ, время, не внимало?

Вѣчно невѣрные шаткіе люди
Не засвѣчались-ли въ праздничномъ гудѣ?
Возгласамъ мѣрнымъ, далеко звучащимъ,
Птицы внимали по стихнувшимъ чащамъ.

Колоколъ вылить изъ мѣди, изъ красной,
Въ ней серебра есть зазвонъ сладкогласный,
Слиты металлы въ немъ, воли въ немъ слиты,
Всѣ въ немъ копѣйки въ свой часъ имениты.

Имя даятеля, пусть сокровенно,
Именемъ Бога гудитъ неизмѣнно,
Благовѣсть гулкій, звучащая чаша,
Духъ нашъ, и путь нашъ, и Родина наша.

ПЕРЕЗВОНЫ

... Звонъ при церкви...

Требникъ

Перезвоны —
Высь и склоны,
Даль морская,
Голубая.

Перезвоны —
Храмъ, амвоны,
Въ бездорожьи
Гласы Божьи.

Перезвоны —
Лѣсъ зеленый,
Въ ночь ущерба
Къ Пасхѣ верба.

Перезвоны —
Дѣти, жены,
Въ гулахъ грома
Радость дома.

Перезвоны —
Въ мѣрѣ, гдѣ стоны,
Взмахомъ гуда
Праздникъ чуда.

ИСТОЧНИКИ

... Источники въ дѣбрехъ...

Требникъ

Словомъ живымъ сочетанныя воды,
Въ ихъ единенье одно.
Въ дѣбрехъ источники, сердце Природы,
Чистое дно.

Нерукотворная свѣтлая влага,
Капли съ высокихъ небесъ.
Птица напьется,—въ ней вспыхнетъ отвага,
Путь въ ней воскресъ.

Гдѣ они, вольныя, легкія крылья?
Мѣряютъ вѣтеръ вверху.
Такъ, безъ усилья, стремлю въ изобилъе
Сердце — къ стиху.

РАБОТНИЦА

... Въ пустыни Іоанна Крестителя
Твоего дивимъ медомъ воспитати бла-
гоизвоилъ еси...

Требникъ

Познавъ, что дни проходятъ строго,
А не полетомъ мотылька,
Лишенный отчаго порога,
Внимаю, какъ гласятъ вѣка: —
Одна работница у Бога,
Что тайну поняла цвѣтка.

Жужжить, причастница расцвѣта,
Летитъ, лобзальница цвѣтка,
Вся въ хлопотахъ весну и лѣто,
Ей жизнь трудна, ей жизнь легка,
И полный сотъ, богатство это,
У ней беретъ моя рука.

Пчела, съ прозрачнымъ, легкимъ звономъ,
Пока въ дыму кузнецъ куетъ,
Не меньше трудится по склонамъ,
Своимъ трудамъ теряетъ счетъ,
И по обителямъ зеленымъ
Душистый собираетъ медъ.

О, вѣстникъ — ангелу сосѣдній,
Живи, пчела, летай, звучи.
Твой даръ другой, твой воскъ—съ обѣдной,
И Солнце льетъ въ него лучи.
Мы провожаемъ въ путь послѣдній —
Горѣнемъ восковой свѣчи.

КЛАДЪ

... Его же ни вѣтеръ, ни вода, ни
ино что повредить возможно...

Требникъ

Качаю въ сердцѣ мысль всегда,
Что у меня есть кладъ сокрытый,
Ему ни вѣтеръ, ни вода
Не властны причинить вреда,
Его не стронетъ никогда
Ни звѣрь, ни помысль ядовитый.

Какъ мать хранить свое дитя,
Что тонкимъ молоточкомъ бьется,
Такъ, свѣтомъ тайнымъ мнѣ блестя,
Ничѣмъ свой блескъ не замутя,
Онъ живъ, — и часъ звенитъ, летя,
А онъ какъ Вѣчность остается.

Когда я къ злему брошенъ сну,
Когда тюрьмой сомкнулись стѣны,
Я тайно внутрь себя взгляну,
Тамъ вижу пламени по дну,
Тамъ Онъ, что мчитъ ко мнѣ весну,
Одинъ, не знающій измѣны.

И. М. Прянишниковъ
I. Prianishnikoff

„Чтеніе письма въ овощной лавкѣ“
„Reading a letter at the grocer's“

А. ФИЛИППОВЪ

ЧАЙНЫЯ РОЗЫ

Когда на зарѣ я выходилъ въ садъ, чайныя розы, распустивъ свои нѣжные лепестки, благоухали, наполняя воздухъ сладкимъ, поникающимъ ароматомъ.

Внизу тихо струился старый, престарый дѣдушка Днѣпръ. Темно-синія воды его, мѣстами подернутыя бѣлой пѣной, катились къ порогамъ, къ Черному морю, и надъ водой подымался глухой рокотъ, точно старый Днѣпръ рассказывалъ молодой жизни былины объ исчезнувшей въ прошломъ жизни, о старинѣ, когда насъ не было, но онъ, старикъ, все такъ же катилъ свои могучія воды въ томъ же направленіи.

На противоположномъ берегу маячили деревья, хаты, песчаныя отмели, баржи. Было привольно, просторно...

Чайныя розы благоухали и притягивали къ себѣ всѣ взоры. Къ нимъ прикасались бережно и любовно, наслаждаясь ихъ дивнымъ ароматомъ и нѣжной окраской. Онѣ тихо покачивались на своихъ темно-зеленыхъ стебляхъ, задумчивыя и загадочныя, какъ сама жизнь...

Къ чайнымъ розамъ подходила по утрамъ молодая дѣвушка съ золотистыми волосами и срывала одну или двѣ изъ нихъ, и онѣ въ те-

ченіе дня покоились на ея груди, а къ вечеру на ней же неслышно, безропотно умирали, такія же нѣжныя и ароматныя...

Когда вечерѣло, когда солнце скрывалось за горизонтомъ, чайныя розы склоняли головки, одурманивающія, прекрасныя, еще болѣе ароматныя, чѣмъ днемъ.

Это было когда-то...

И днѣпровскіе откосы были, и пышные сады, и чудесныя чайныя розы, и мечтательныя глаза златокудрыхъ молодыхъ дѣвушекъ, передъ которыми міръ раскрывался въ своей сказочной, незапятнанной красотѣ...

Были чайныя розы... и въ одно хмурое утро ихъ лепестки неслышно осыпались на землю...

Не стало чайныхъ розъ...

Они отступали, голодные, израненные, усталые, послѣ неравнаго боя со звѣрьемъ, наводнившимъ Россію и посѣявшимъ въ ней смерть и разрушеніе.

Одинъ, молодой, когда-то, внѣ всякаго сомнѣнія, жизнерадостный, съ трудомъ подвигался впередъ, волоча прострѣленную ногу.

Въ его взорѣ угадывалась глубокая, безысходная тоска.

— Силь больше нѣтъ итти... Изнемогаю...

Но, напрягая волю, превозмогая физическую боль, съ пересохшимъ ртомъ, онъ бредетъ все дальше и дальше по дорогѣ, казавшейся безконечной.

Тяжело, невыносимо тяжело... Но надо продолжать... Тамъ, по пятамъ, спѣшатъ тѣ, отъ которыхъ не ждать пощады...

Безконеченъ путь... Невыносима боль... Присѣсть хотя бы на нѣсколько минутъ...

Позади, въ отдаленіи, — выстрѣлы... Все чаще и чаще... Пока еще далекіе, глухіе, но грозные, наводящіе на черныя думы...

Безконеченъ монотонный путь...

Но вотъ изгородь... Садъ... Въ гущѣ кустарниковъ бѣлѣетъ фасадъ усадьбы... Тихо, безлюдно... Ни людей, ни даже собакъ...

Онъ пробирается въ садъ, тяжело ступаетъ по песчанымъ аллеямъ, ищетъ уголка, гдѣ бы хоть немного передохнуть...

Вотъ сверкнули стекла теплицы... Онъ входитъ... Пальмы, олеандры, мирты, всевозможныя экзотическія растенія... И нѣсколько кустовъ великолѣпныхъ чайныхъ розъ...

Онъ машинально срываетъ одну изъ нихъ и прикалываетъ къ груди.

Потомъ подыскиваетъ уголокъ подъ пальмой и садится.

Рана ноетъ... Ноги вспухли... Пить хо-

чется... Глаза слипаются въ лихорадочной дремотѣ...

Какъ хорошо такъ сидѣть, ни о чемъ больше не думать, ничего больше не ждать...

И вдыхать тягучій ароматъ чайныхъ розъ...

Но выстрѣлы ближе, все ближе и ближе... Чьи-то голоса... Трескъ взламываемыхъ дверей, звонъ разбиваемыхъ стеколъ... Крики, стоны, снова выстрѣлы, выстрѣлы безъ конца...

Близко, совсѣмъ близко — шаги и чьи-то грубые окрики.

— Вотъ одинъ здѣсь!..

Онъ пріоткрываетъ глаза и бессознательно улыбается... Ему мерещится пышный садъ надъ сѣдымъ Днѣпромъ... Мерещится золотая молодая дѣвушка, склонившаяся надъ чайными розами...

Выстрѣлъ!..

Онъ вздрагиваетъ, смертельная блѣдность разливается на его усталомъ лицѣ... Судороги... Искривленные губы...

Волна алой крови бьетъ изъ раны на груди... Чайная роза купаетъ въ ней свои нѣжныя лепестки... И превращается въ алую розу...

Нѣтъ больше дивной чайной розы...

Дождливый, осенній вечеръ въ Парижѣ... Витрины сверкаютъ электричествомъ, отсвѣчиваясь на промокшемъ асфальтѣ... Куда-то торопятся равнодушные прохожіе. Мчатся автомобили... Мчатся трамваи...

И. М. Прянишниковъ — „Съ ярмарки“

I. Prianishnikoff — „From the fair“

И. М. Прянишниковъ — „Калики переходже“

I. Prianishnikoff — „Blind beggars“

У воротъ большого семиэтажнаго дома стоитъ женщина. Бѣдно одѣтая, изможденная, продрогшая... Въ рукахъ у нея небольшая корзинка...

Съ чайными розами...

Онѣ грустно поникли нѣжными головками. Капли дождя сверкаютъ на ихъ лепесткахъ... Блѣдныя, озябшія,—онѣ неслышно умираютъ...

— Купите, купите розы, — тянетъ уставшимъ голосомъ женщина.

Въ ея голосѣ чувствуется глубокой надрывъ, усталость, отчаяніе.

Никто не останавливается, никому нѣтъ дѣла до этой женщины и до ея чайныхъ розъ...

Впрочемъ, нѣтъ... Вотъ остановился одинъ...

Онѣ подходитъ... Беретъ одну изъ чайныхъ розъ... Всматривается въ лицо женщины...

Вздрагиваетъ... Что-то силится припомнить...

— Вы? — вдругъ срывается у него...

Женщина изумленно раскрываетъ большіе голубые глаза.

Во взорѣ — вопросъ.

— Неужели забыли? усадьбу на Днѣпрѣ... чайныя розы... Володю кадетика... первая вспышка нѣжнаго, какъ лепестки чайныхъ розъ, юношескаго чувства...

Женщина вспоминаетъ... Она грустно улыбается, поправляя инстинктивнымъ жестомъ старенькую шляпу, изъ-подъ которой пробиваются пряди золотистыхъ волосъ...

— Вспомнила!.. Но какими же судьбами вы здѣсь?

Онѣ рассказываетъ... Въ теплицѣ въ чьемъ-то имѣніи его тяжело ранили... Сочли убитымъ... Кое-какъ вырвался оттуда, долго находился между жизнью и смертью... Спасли сердобольные люди, пріютившіе его, рискуя собственной жизнью... Потомъ, по выздоровленіи, пробрался за границу, очутился въ Парижѣ...

Вотъ и все, банальная исторія русской жизни, украшенной чайными розами и нѣжными воспоминаніями юности...

Теперь они стоятъ рядомъ, подъ моросистымъ дождемъ, и тихо вспоминаютъ прошлое, русское прошлое, утонувшее въ хаосѣ и смерти...

Она тихо улыбается... Голубые глаза свѣтятся ярче... Легкій румянецъ разливается на впалыхъ щекахъ...

Ей тоже пришлось многое испытать и пробиваться на жизненномъ пути среди чужихъ, вдали отъ родного Днѣпра...

вдали отъ милыхъ, родныхъ чайныхъ розъ...

А эти?... здѣшнія?... Онѣ тоже умираютъ, какъ и тѣ... Одна изъ нихъ, какъ въ былые годы, склонила истомно свою головку на ея груди... Послѣдняя ласка жизни передъ неизбежнымъ уходомъ въ вѣчность...

Пройдетъ еще немного времени,—и эта чайная роза тоже увянетъ... Такъ увядаетъ молодость, свѣтлая молодость подъ суровымъ дуновеніемъ равнодушной жизни... И осыпаются чудесные лепестки... и улечиваются дивные ароматы...

Чайнымъ розамъ — короткая жизнь...

Александръ Филипповъ

И. М. Прянишниковъ — „Спасовъ день“

И. Прянишниковъ — „Трансfiguration day“

ШУТКИ СОЛЛОГУБА

Впервые публикуемые стихи автора „Тарантаса“, графа В. А. Соллогуба

Россію понять и оцѣнить можно
только посмотрѣвъ на другія страны.

„Тарантасъ“ гр. В. Соллогубъ

Дорога... Русская дорога... Какъ много говорятъ эти слова россіянину.

Съ этими словами связано много типичныхъ русскихъ понятій: тройки съ бубенцами, мятели, кибитки, тарантасы, почтовые станціи съ ихъ типичными станціонными зрителями, самовары, верстовые столбы, шлагбаумы, безъ конца поля — лѣса, волки, иногда даже медвѣди — вотъ какъ русскій понимаетъ дорогу...

Съ каждымъ годомъ все больше и больше заволакивается туманомъ эта, полная поэзіей, прежняя дорога. Моя мать еще хорошо помнитъ, какъ бабушка моя ежегодно ѣздила на лошадахъ изъ своего Курскаго имѣнія за границу. Ъхали въ нѣсколькихъ тарантасахъ и большой каретѣ-дормезѣ. Въ первомъ тарантасѣ, державшемся всегда на одну станцію впередъ, ѣхалъ поваръ съ продуктами, чтобы графинѣ не надо было дожидаться, по прїѣздѣ на станцію, обѣда. Въ каретѣ, запряженной четверкой, — бабушка, иногда съ дѣтьми и всегда съ камеристкой; дальше въ тарантасахъ осталая прислуга съ чемоданами и многочисленными ларцами и узелками. Дормезъ былъ очень просторный; сидѣнья были выдвигныя; на ночь на нихъ устраивались постели для дѣтей. Дорожныя туалетныя принадлежности въ шкатулкахъ, деревянныхъ и обитыхъ кожей, наполняли всѣ углы дормеза. Дѣтямъ разрѣшалось брать по одной игрушкѣ. Бабушка всегда съ англійскимъ романомъ въ рукахъ.

Было ли удобно такое путешествіе по те-

перешнимъ понятіямъ? Врядъ ли, но красивымъ и поэтичнымъ представляется оно мнѣ.

Вспоминая рассказы матери, ясно вижу жаркій лѣтній день; дорога вьется межъ ржаныхъ полей; русскіе васильки и русскіе жаворонки, мнѣ кажутся, поютъ только русскую пѣсню.

Сегодня, перебирая въ нижнемъ ящикѣ бабушкинаго, корельской березы, бюро, мнѣ попался старенькій, потертый сафьяновый съ золотымъ тисненіемъ и посерединѣ съ инициалами подъ маленькой графской короной, бюваръ.

Среди старыхъ писемъ, документовъ и рисунковъ, я нашелъ два письма въ стихотворной формѣ, на пожелтѣвшихъ листахъ, по содержанію такъ близко связанныхъ съ русской прежней дорогой.

Первое — моего дѣда гр. В. А. Соллогуба, того самага, которому удалось предотвратить первую дуэль Пушкина съ Дантесомъ. Соллогубъ тогда перешелъ границы данныхъ ему Пушкинымъ полномочій; послѣдній остался недоволенъ результатами переговоровъ своего секунданта, но дуэль въ тотъ разъ не состоялась, цѣль была достигнута. Соллогубъ, несмотря на свою юность, зналъ, что дѣлаетъ.

Второе письмо — стихи, отвѣтъ дѣду Толстого, который тогда занималъ постъ министра почтъ и телеграфовъ. Стихи эти еще не были напечатаны, и потому я дѣлюсь ими съ тѣми читателями, которые любятъ все прошлое русское. Вотъ эти стихи В. Соллогуба:

ПОСЛАНИЕ ГРАФУ ИВАНУ МАТВѢВИЧУ ТОЛСТОМУ

Владыка станцій безъ дорогъ,
Дозволь, Зевесъ многопочтовый,
Чтобъ сочинитель русскій могъ
Къ тебѣ явиться съ просьбой новой.
Той просьбы поводъ вотъ каковъ:
Тебѣ извѣстенъ городъ Псковъ,
Гдѣ ради конницы разгонной
Живетъ зритель станціонный.

Живетъ онъ тихо... въ службѣ онъ
Исправенъ, вѣжливъ, остороженъ,
И по путямъ со всѣхъ сторонъ
Ведетъ расчеты подороженъ!
Тутъ пища сердцу и уму...
Чего же больше бы ему?
Какого ждать ему блаженства?
Но нѣтъ ни въ чемъ здѣсь совершенства!

Онъ честолюбіемъ томимъ...
Не чуждъ онъ русскаго волненья,
Вездѣ упорно передъ нимъ
Мелькаетъ призракъ повышенья;
Его зрителемъ, увы,
Народъ по говору толпы
Совсѣмъ напрасно величаетъ,
Онъ только „должность исполняетъ“.

Онъ самозванецъ, онъ мечта;
Въ себѣ онъ видитъ въ томъ безчестье,
У всѣхъ товарищей мѣста
А у него одно... предмѣстье.
Въ грядущемъ — званіе его,
Теперь пока онъ ничего —
А между тѣмъ мутитъ забота
Изъ ничего возникнуть что-то.

Внемли же пламенной мольбѣ
 Даруй скорбящему отраду
 И подчиненнаго судьбѣ
 Воздай желанную награду.
 Того, Матвѣичъ, не забудь,
 Что на Руси одинъ лишь путь,
 (Вѣкъ чуждѣ ухабныхъ колебаній),
 То свѣтлый путь благодѣяній.

Псковъ, 1863

Тебѣ лишь имя подписать,
 И будетъ скромный мой проситель
 Въ себѣ съ восторгомъ сознать,
 Что настоящій онъ смотритель.
 Восхвалитъ благость онъ твою;
 А я, случайный гость столицы,
 Какъ нѣкогда пѣвецъ Фелицы,
 За лиру вновь возьмусь свою
 И твой поступокъ воспую.

Гр. В. Соллогубъ

ОТВѢТЪ И. М. ТОЛСТОГО ГРАФУ В. СОЛЛОГУБУ

Въ Россіи денегъ нѣтъ въ запасѣ,
 Безъ денегъ нѣтъ въ ней и дорогъ,
 На что онѣ? Безъ нихъ ты могъ
 Въ „Калошахъ“, въ дивномъ „Тарантасѣ“¹⁾
 По всей Россіи побывать.
 Въ какомъ углу тебя не знаютъ?
 Съ восторгомъ гдѣ не принимаютъ?
 Гдѣ не старались почитать?
 За что жъ, поэтъ неблагодарный,
 Радушью зломъ ты заплатилъ?

С. - Петербургъ, 1863

Свой умъ игривый, многодарный
 Въ сухомъ ты Дерптѣ схоронилъ? ²⁾
 Отраднo звучнаго намъ слова,
 Быть можетъ, долго бѣ не слышать,
 Когда бѣ не вздумалъ ты для Пскова
 Стихомъ смотрителя создать;
 Исполнить милое желанье
 Поэта тотчасъ я велѣлъ —
 Тотъ заслужилъ ужъ повышенья,
 Къ кому ты снизойти хотѣлъ!

И. Толстой

„Не чуждъ онъ русскаго волненья“, говоритъ Соллогубъ про станціоннаго смотрителя.

Это „русское волненіе“, любовь и пониманіе Россіи, яркой нитью проходитъ черезъ всѣ его произведенія. Особенно это чувствуется въ его „Тарантасѣ“. Тамъ же описаніе Печорскаго монастыря, въ Нижнемъ Новгородѣ, можетъ служить художественнымъ образцомъ описательнаго повѣствованія и, несмотря на то, что „Тарантасъ“ написанъ въ 1845 году, языкъ благородно-изысканный, великій русскій, пушкинскій языкъ. Пять томовъ его сочиненій, изданія Смирдина (сына) 1855 года, далеко не включаютъ въ себѣ полностью его произведеній и вовсе не содержатъ его каламбуровъ, эпиграммъ и „словечекъ“, которыми онъ былъ въ свое время не менѣ знаменитъ, чѣмъ „Тарантасомъ“³⁾. Однажды Соллогуба знакомятъ въ одной петербургской гостиной съ нѣкимъ Харитоновымъ (отцомъ госуд. контролера николаевскаго времени). Харитоновъ отличался безобразностью своего лица и великолѣпнымъ голосомъ, которымъ часто услаждалъ слушателей на свѣтскихъ раутахъ.

— И господинъ Харитоновъ будетъ пѣть сегодня, — говоритъ хозяинъ Соллогубу. Не успѣлъ Харитоновъ отойти, какъ Соллогубъ сказалъ:

И. М. Прияшниковъ
 I. Prianishnikoff

„Охота пуще неволи“
 „A-fishing“

— Какихъ намъ ждать отъ этой хари тоновъ? Черезъ нѣсколько дней Харитоновъ уже

зналъ объ этой шуткѣ отъ своихъ друзей. На слѣдующемъ вечерѣ Харитоновъ вмѣстѣ со своей дочерью, которая была очень интересна наружностью и этимъ славилась въ Петербургѣ, подходитъ къ Соллогубу и послѣ привѣтствія говоритъ:

— Ну, графъ, про мою дочь вы уже не скажете того, что говорили про меня.

Соллогубъ положилъ ей руку на плечо и не задумываясь сказалъ:

Если хочешь быть пригожей,
 Пріятна свѣжестью лица,
 Будь на маменьку похожа
 И отнюдь не на отца.

Врядъ ли Харитоновъ остался доволенъ, что напомнилъ Соллогубу про его каламбуръ!

„Благодарю, не ожидалъ“, фраза изъ экспромпта Соллогуба часто повторялась въ петербургскихъ и московскихъ гостиныхъ, да повторяется и теперь. Экспромптъ былъ сказанъ Соллогубомъ на одномъ вечерѣ, гдѣ удивлялись назначенію Ливена губернаторомъ.

О сколь въ твореніяхъ Богъ дивенъ,
 Наполеонъ тамъ въ плѣнъ попалъ.
 Здѣсь губернаторомъ сталъ Ливень,
 „Благодарю, не ожидалъ!“

Послѣдніе годы своей жизни Соллогубъ часто жилъ въ Парижѣ и считался главнымъ соперникомъ Александра Дюма, который, какъ извѣстно, былъ знаменитъ своимъ остроуміемъ и находчивостью. Вращаясь въ одномъ и томъ же обществѣ, они долго лично не были знакомы, но очень хорошо знали другъ про друга.

Однажды Соллогубъ на лестницѣ встрѣчаетъ господина, задѣваетъ его нечаянно и отпускаетъ приличествующую данному случаю шутку; господинъ отвѣчаетъ тѣмъ же; пройдя двѣ-три ступени, Соллогубъ на шутку отвѣчаетъ новой шуткой, находчивый господинъ не теряется и платитъ тѣмъ же. Это перешучиваніе продолжается, пока оба шутника не достигаютъ противоположныхъ концовъ лестницы; тогда оба круто поворачиваются, идутъ опять другъ другу навстрѣчу.

— Вы навѣрное графъ Соллогубъ? — говоритъ господинъ.

— А вы навѣрное Александръ Дюма?

Такъ, наконецъ, состоялось ихъ знакомство. Кромѣ повѣстей, „Тарантаса“ и стиховъ Соллогубъ написалъ не мало и пьесъ, изъ которыхъ „Бѣда отъ нѣжнаго сердца“ долго держалась въ репертуарѣ Александринскаго театра. Многія пьесы, водевили и шутки въ одномъ или двухъ дѣйствіяхъ были имъ написаны для свѣтскихъ любительскихъ спектаклей.

Будучи еще молодымъ, Соллогубъ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при Воронцовѣ на Кавказѣ.

Рига, 1927

И. М. Прияишниковъ
I. Prianishnikoff

„Въ мастерской художника“
„The painter's studio“

Въ честь пріѣзда Государя Импер. Александра II были устроены въ Тифлисъ большія празднества, главное руководство которыми было поручено Соллогубу. Тогда же онъ написалъ безсмертное:

„Съ времянь
давнымъ-давно
забытыхъ

.....
Аллаверды -
аллаверды“.

Несмотря на то, что Соллогубъ, по собственнымъ словамъ, былъ скверный писатель, потому что былъ и придворный, и чиновникъ, и былъ скверный придворный и чиновникъ, потому что былъ писатель, онъ все

же сумѣлъ принести пользу и въ своей служебной дѣятельности. Сперва въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ—атташе посольства въ Вѣнѣ, затѣмъ у Воронцова на Кавказѣ, въ 1877—78 г.г. при главной квартирѣ Александра II для составления „Дневника Высочайшаго пребывания за Дунаемъ“ (1878. СПб); наконецъ, председателемъ комиссіи по преобразованію тюремъ въ Россіи. Въ этой своей послѣдней дѣятельности ему пришлось объѣздить всю Россію, знакомясь съ тюрьмами на мѣстахъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что Соллогубъ въ этихъ поѣздкахъ изучилъ не только русскую дорогу, но и все то, что было по сторонамъ ея, т. е. русскаго и Россію.

На кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря въ Москвѣ еще недавно можно было найти могилу съ такой надгробной надписью: „Тайный совѣтникъ, камергеръ графъ В. А. Соллогубъ, род. 1814 года, умеръ 1882 г.“

Анатолій Матюшкинъ

¹⁾ „Исторія двухъ калошъ“ и „Тарантасъ“ — произведенія гр. Соллогуба. ²⁾ Въ Дерптѣ жила семья Соллогуба, гдѣ въ унив-тетѣ учились его сыновья и гдѣ когда-то онъ самъ кончилъ курсы. ³⁾ „Тарантасъ“ переведенъ на нѣмецкій, англійскій и чешскій языки еще въ пятидесятыхъ годахъ. „Большой свѣтъ“ и другія — на французскій.

А. ФЕДОРОВЪ

ОПУСТЫЛЫЙ САДИКЪ...

Опустыленный садикъ ресторана.
Въ первый разъ сегодня мы въ стѣнахъ.
Холода настали слишкомъ рано —
Все застыло въ сѣренькихъ тонахъ.
Но наружу дверь еще открыта.
Въ садикѣ не убраны скамьи,
И близъ кухни ссорятся сердито
Изъ-за хлѣбныхъ крошекъ воробьи.
Мы сидимъ и пьемъ вино лѣнливо.
О быломъ, о дальнемъ наша рѣчь,
Точно все, что близко такъ и живо,
Въ этотъ день не можетъ насъ зажечь.
А когда смолкаемъ мы устало,
Грустно смотримъ въ садъ черезъ окно.
Въ хрусталѣ забытаго бокала
Остываетъ красное вино.

И тогда... такъ дивно и такъ странно!
Точно стоя птицъ полуживыхъ,
Падаютъ беззвучно, бездыханно
Листья съ вѣтокъ чахлыхъ и кривыхъ
Падаютъ беззвучно, бездыханно...
Другъ на друга жутко намъ взглянуть.
Застить взглядъ отъ виннаго тумана
И тѣснить тоскующую грудь.
Что жалѣть? О чемъ вздыхать? — не знаю.
Я топлю тоску свою въ винѣ.
То, что нынѣ есть, не проклинаю,
То, что будетъ, безразлично мнѣ.
Отчего-жъ въ слезахъ мои рѣсницы
И въ усталомъ сердцѣ мутъ и дрожь?
Листья снова падаютъ, какъ птицы...
Милый другъ, чего-жъ ты не идешь?

А. Федоровъ

А. ЧЕРНЫЙ

МОСКОВСКИЙ СЛУЧАЙ

(Разсказъ обывателя)

Передъ самой войной судьба меня съ корнями пересадила изъ волынскаго чернозема въ санктпетербургскій торфъ. Еще по старому романсу извѣстно—„судьба играетъ человѣкомъ“, — ничему не попишешь.

Долго не могъ привыкнуть. Очень все парадно: дворцы, проспекты, римскія тройки на крышахъ, арки, Нева въ гранитномъ корсетѣ... Словъ нѣтъ, красота, но сердце зазябло и съжилось. Природа къ тому-же на любителя — зимой черные дни, лѣтомъ бѣлыя ночи, осень и весна на одинъ салтыкъ, свѣтлой улыбки на небѣ не увидишь... Не одобряю.

На эмигрантскомъ разстояннн пейзажецъ, правда, заголубѣлъ, солнцемъ воспоминанія насквозь омытъ, однако въ тѣ давнiя времена очень я себя неуютно чувствовалъ въ столицѣ. Все о своемъ Житомирѣ вздыхалъ: тополя, бульвары, Тетеревъ въ скалахъ, майевки за рѣкой въ „Зеленой рошѣ“... Провинциаль? Что-жъ!.. Каждому своя смоковница симпатична.

Служилъ я въ Петербургѣ на Загородномъ. Въ Службѣ Сборовъ Варшавской дороги по отдѣлу мѣстной таксировки. Переборы и недоборы. Съ утра сидишь, сжавъ колѣнки, надъ грязными накладными, указательнымъ перстомъ по графамъ водишь, заблудшія копѣйки разыскиваешь. А со мной въ комнатѣ двадцать три дѣвицы, одинъ я мужчина, не считая тухлаго нѣмца Циммермана. Можете себѣ представить, до чего я женоненавистникомъ сталъ!

Нѣмецъ серьезный былъ — самъ курилъ и газету читалъ, а мнѣ запрещалъ. И болтовни

этой сорочьей при немъ не было. Счеты кряхтятъ, перышки шелестятъ; голову подынешь, на желтый паръ въ окнѣ уставишься и весь скорчишься, какъ райская птица въ банкѣ изъподъ маринованной корюшки.

А чуть Циммерманъ за дверь, — круглая язва желудка у него была, часто онъ за дверь бѣгалъ, — двадцать три дѣвицы въ двадцать три языка какъ начнутъ щелкать (меня онѣ не стѣснялись, словно я евнухомъ при ихъ счетоводномъ гаремѣ состоялъ), какъ начнутъ прищелкивать... Господи! И изъ себя къ тому же, какъ вамъ сказать, сплошное сухожилие. Цвѣтъ лица, какъ у лежалаго бисквита, уши насквозь свѣтятся. Другая и поосновательнѣе, да все какая-то простоквашная полнота: перомъ ткнешь, сыворотка пролетится.

И на улицѣ, — сколько ихъ мимо въ туманѣ промаячитъ навстрѣчу. Улица что-ли была такая незадачливая, однако хоть и столица — далеко имъ, петербургскимъ килькамъ, до житомирскихъ лебедей.

* * *

Весной отъ прiятеля письмо изъ Москвы пришло, отъ Васеньки Болдырева, — въ одномъ полку, въ одной ротѣ вольнооперами были...

Пишетъ коротко и ясно: „Живу, другъ Федоръ, по-царски. Служу у архитектора Чепцова по чертежной части, сто двадцать пять цѣлковыхъ охватываю. Пріѣзжай, чортъ, погостить. Стыдно даже — русскій человѣкъ Москвы не

видалъ. Мать и сестра просятъ. Заочно тебя въ ангелы произвель, смотри — не подведи“...

Это точно — не пью я, не курю, въ карты дальше подкидныхъ дураковъ не развѣртывался и къ женщинамъ, какъ выше указано, хладнокровенъ... Чѣмъ не ангель?

Словомъ, замыло меня, жаворонкомъ сорвался съ причала. Протекція у меня въ Личномъ Составѣ была — груши изъ Житомира получалъ, два раза завѣдующему преподнесъ. Счеты локтемъ отодвинулъ, пошелъ въ Личный Составъ, доложилъ: такъ и такъ, по домашнимъ обстоятельствамъ прошу на двѣ недѣли отпускъ, безъ сохраненія содержанія, съ выпиской мнѣ въ Москву и обратно присвоеннаго мнѣ по должности билета 2-го класса. Къ концу занятій все было готово. Не успѣлъ мнѣ Циммерманъ палку въ колеса вставить, ротъ раскрылъ, а я общій поклонъ и въ двери.

Вечеромъ къ Николаевскому вокзалу подъѣхалъ, — мгла, мокрый снѣжокъ, навозная каша, подъ штиблетъ снизу вѣтеръ пробирается... Разыскалъ свой вагонъ, залегъ на верхнюю полку падишахомъ... Утромъ проснулся: пейзажъ! Въ стеклахъ небесный василекъ, бѣлая тучка надъ телеграфными проводами виситъ,

вокругъ веселая пестрядь, грузныя рекламы на столбахъ, вокзалы шатрами, вдали горитъ позолота... лязгъ телѣгъ, ширина, солнце. Скатился я мячикомъ, визави своего на верхней полкѣ бжу: „Вставайте, что-ли, къ Москвѣ подъѣзжаемъ!“

А онъ лохматую грузинскую голову свѣсилъ, осовѣлыми глазами по вагону повель и подъ технологической тужуркой перстами скребеть:

— Большинство спитъ!

Должно быть, социаль-демократъ былъ. Я портпледъ кое-какъ сваялъ, продрался сквозь вокзальную гущу, на площадь вышелъ.

— Господи, Твоя воля... Да вѣдь это я до м о й пріѣхалъ!

* * *

Вахлакъ - извозчикъ меня по дорогѣ намѣшилъ. Я во всѣ глаза вокругъ смотрю, словно давнюю дѣтскую книжку съ картинками нашель, вспоминаю страницу за страницей, а онъ съ разговорами пристаеть. Къ кому ѣду? Да откуда? Да кто такой?

— Англичанинъ я,—говорю. — По-русски не понимаю.

Старикъ обидѣлся, шею въ воротъ втянулъ, какъ черепаха, и замолчалъ. Потомъ повер-

И. М. Прянишниковъ — „Шутники“ Гостиный дворъ

I. Prianishnikoff — „Jokers“ The merchants' row

нулся, изъ-подъ своего бурога цилиндра съ пряжкой на меня покосился и пробурчалъ:

— Чего зря врать-то... Англичанинъ... У англичанина, братъ, лицо вумственное.

Подымались въ гору, спускались. Никогда-бъ я въ этихъ, одна въ другую впадающихъ, кривокольныхъ улочкахъ не разобрался... Лабиринтъ! А дома! То домъ, какъ домъ, а рядомъ комодъ, на комодѣ теремъ съ пузатыми бутылками, на теремѣ гауптвахта. Точно царь Иродъ въ пьяномъ видѣ заказывалъ... И влипшія среди толстыхъ солидныхъ стѣнъ пестрыя домовыя церковки, и зацвѣтающая черемуха надъ уѣздными палисадниками, и разношерстный людъ, неторопливый, румяный, ни кокардъ, ни петличекъ, а по обличью сразу узнаешь, кто какого сорта, кто чѣмъ занимается...

Это тебѣ не Загородный проспектъ... А солнце! А вѣтерокъ!

Сивцевъ Вражекъ... Я по названью думалъ, — закоулокъ какой-нибудь, избушки на курьихъ ножкахъ, а улица—хоть къ Невскому пристегни. Болдыревъ мой жилъ пресолидно. Домъ пятиэтажнымъ слономъ, подъѣздъ—хоть баню въ немъ устраивай. Швейцаръ, вродѣ генерала Скобелева, съ прїѣздомъ меня поздравилъ и отправилъ съ портпледомъ въ подъемной шкапулкѣ на пятый этажъ, подъ небеса.

Подъѣзжаю — дверь настезь. Васька мой — усы, какъ у брандмайора, отросли, — къ чесучевой рубашкѣ меня притиснулъ, облобызалъ... За нимъ въ дверяхъ сестра его... Олимпиада Иннокентьевна. Познакомился...

Повели въ столовую къ мамашѣ ихъ. Чудесная мамаша, сидитъ за самоваромъ вся въ лиловомъ, въ черной наколочкѣ, щечки добрыя, носикъ добрый, глазки добрые. Короче сказать, какъ я въ Москву въѣхавши, сразу ощутилъ, что до м о я вернулся, хоть никогда и во снѣ я Москву не видалъ, такъ и мамаша эта сразу мнѣ родной стала.

А объ Олимпиадѣ Иннокентьевнѣ рѣчь особая. Надо паузу сдѣлать...

* * *

Не люблю я женщинъ, дѣйствительно... Въ Житомирѣ много случаевъ было: и хохлушки, и польки, и чистокровныя русскія. По всѣмъ бульварамъ, по всей рѣкѣ „шу-шу, шу-шу“, сегодня съ батальоннымъ адъютантомъ, завтра съ семинаристомъ, послѣзавтра съ ветеринарнымъ студентомъ, благо у него воротникъ лилого серебра подъ драгуна. Ужъ такого непостоянства женскаго, какъ у насъ въ Житомирѣ, и въ Венеціи не найдешь (предполагаю, ибо въ самой Венеціи не довелось быть).

Петербургскія по совокупности климатическихъ условій, можетъ быть, и постояннѣе. Но игры никакой, одна практичность. На Службѣ Сборовъ ошибку въ накладной поможешь со-сѣдкѣ найти, сейчасъ же она къ тебѣ, какъ раковина къ кораблю, приклеится, внизу въ буфетѣ въ кандидаты тебя произведутъ и на законный союзъ во всѣхъ этажахъ намекаютъ.

Были, правда, у меня кой-какія и приват-

ныя питерскія знакомства. Четыре сестры со вдовствующей мамашей интендантскаго происхожденія, у Пяти Угловъ небо коптели. Одна грусть. Мамаша спать уйдетъ и мнѣ безбоязненно дочекъ подкинеть,—знаетъ, что умный человекъ зря въ капканъ головой не полѣзетъ. Старшая треска-треской, Пшйбышевскимъ все козыряла, — по моему онъ и не геній, а просто Заратустра изъ почтово-телеграфныхъ ницшеанцевъ...

Вторая пухла и малокровна, вродѣ диванной подушки: торчитъ въ углу и ждетъ, кто на нее облокотится. Третья, упаси Богъ... Въ итальянскаго шоффера въ Генуѣ влюбилась, какую-то съ нимъ идейную безпроводочную любовь крутила, а въ дневникахъ такое про него писала, что я и читать отказался. Меньшая... Даромъ, что подлетокъ, всѣхъ знакомыхъ мужчинъ по рубрикамъ разнесла, по пятибальной системѣ отмѣтки имъ вывела и качества всѣ прописала. Про меня выражалась двойственно: „Кисляй Кисляевичъ, глаза и ростъ ничего, зачисленъ въ резервъ, во вторую линію. Тройка съ минусомъ“... Сама-то... Килька въ обморокъ, укусу пятадцатилѣтній, туда-же.

Какъ перейти теперь къ Олимпиадѣ Иннокентьевнѣ? Господи, благослови! Простота-то какая, лучезарность, плавность лебединая, сѣроглазое мое золото, вишь, чуть стихами не заговорилъ. Про дурное-то словъ много, найдешь, а поди-ка, опиши хрусталь...

Еще въ передней я понялъ, чуть только она на меня глазами повела: вотъ она, моя Москва, въ женскомъ образѣ и подобіи, румяная моя судьба, съ которой и бороться не стоитъ. И пробовать не сталъ: внутренно руки вверхъ поднялъ, хотя наружно и держалъ себя на строгой уздечкѣ, памятуя, что какой я ей, увалень, партнеръ?..

Влипъ сразу. Предрасположеніе у меня, такъ сказать, литературное давно было... Ольгу Татьянѣ всегда предпочиталъ и Онѣгина по этой причинѣ большимъ ротозѣемъ считалъ. И по мѣстожительству пусть Татьяна хоть въ С.-Петербургѣ, хоть гдѣ угодно холодное свое гнѣздо вьетъ, а ужъ Ольга въ Москвѣ, какъ жемчугъ въ футлярѣ, какъ разъ на своемъ мѣстѣ. Взглянулъ на московскій золотисто-голубой пейзажъ, на уютъ ихъ лѣтний и теплый, на походку ея и на брови и сразу это понялъ...

И вотъ съ перваго часа, какъ прїѣхалъ, все свое расписание перемѣнилъ: Румянцевскій музей, подъемъ на Ивана Великаго, Кремль да окрестности, „Синюю Птицу“ у художественниковъ—все отложилъ. Куда моя Ольга-Олимпиада, туда и я, какъ зонтикъ на кисти подвѣшенный. И изучалъ Москву примѣнительно къ тому, куда звонкіе каблучки поворачивали.

* * *

А поворачивали они... Развѣ знаетъ голубь въ небѣ, куда ему запричудится плыть черезъ минуту? Вернется съ уроковъ, узкой перчаткой меня по рукѣ хлопнетъ (перчатки ея, ей-Богу, словно плечико грудного младенца благоухали)

и угонить за собой на буксиръ... И только на второмъ - третьемъ перекресткѣ съ хохотомъ начнемъ разбираться, куда насъ, собственно, вольныя ноги несутъ...

То душегрѣйку себѣ дюймовалиноваго бархата съ хорьковой оторочкой отправится по верхнимъ пассажирамъ выбирать, а я рѣшатъ долженъ: къ лицу-ли цвѣтъ, хороша-ли парча на подкладкѣ... Примѣрять, — Василиса Мелентьевна, — на душегрѣйку и не глядишь, — что ни надѣнетъ, все собой украситъ... То отправимся на Трубу карликовыхъ попугаевъ-неразлучниковъ въ подарокъ племянницѣ покупать, и опять я консультантомъ по попугайской красотѣ. Не зналъ я до того, что взрослый таксировщикъ мѣстнаго сообщенія подчасъ счастливѣй пригостишки можетъ быть... То въ Третьяковку забѣжимъ, — за рѣку сквозь уѣздное Замоскворѣчье нырнемъ, — и начерно обойдемъ плечо къ плечу любимыя картины, дальше да дальше — словно знаемъ, что не разъ еще къ нимъ вернемся. А оттуда въ случайную пивнушку: Олимпіада Иннокентьевна на шустовскій плакатъ удивленно устанется, пьетъ свою „Фіалку“, лимонадъ былъ такой (настоя жженаго сахару съ пачулями), а я трехгорное пиво потягиваю, ракамъ задумчиво клешни обламываю, съ голубого окна глазъ не спускаю и думаю: „Господи! Ужели до отъѣзда всего лишь три дня осталось?“

Мамаша ничего, не вмѣшивалась. Даже по своему положенію мнѣ мое при дочери объяснила. „Липа у меня такая: и песь къ ней, какой ни попадись, лънетъ и кошки ее на всей лѣстницѣ обожаютъ, а ужъ про людей не говорю. Кто къ намъ ни завернетъ, ужъ непременно къ ней флигель-адъютантомъ приклеится. Воробьи даже, повѣришь-ли, по утрамъ къ ней съ балкона въ комнату залетаютъ. Хоть и моя дочь, а ужъ скажу по совѣсти: кладъ-дѣвушка“.

А Липа изъ другой комнаты смѣется, чашками звенитъ:

— Слыхали? Кладъ-дѣвушка! Вотъ только открыть некому...

Такъ у меня языкъ къ небу и прилипъ... Молчи, Федоръ, молчи. Нуженъ ты ей, какъ муха въ чаѣ. На кого, микробъ, глаза подымаешь?...

* * *

Въ предпоследній вечеръ, мрачный, какъ „Островъ смерти“, шагаль я по болдыревской гостиной. Олимпіада Иннокентьевна въ столовой чай разливала. Дядя ея пришелъ, братъ мамаша, мастодонтъ въ купеческомъ сюртукѣ, на головѣ сѣдой бобрикъ, бородка вѣромъ, глаза строгіе гвозди, — солиднѣйшая орясина. Сидѣлъ, потѣлъ, чай съ блюдечка всасывалъ и молчалъ. Перстами поиграетъ, вздохнетъ и опять къ своему блюдцу припадетъ.

Человѣкъ навѣкъ уѣзжаетъ, а онъ тутъ, какъ насосъ, хлюпаешь... Шагаль я по гостиной и со злости обстановку критиковалъ. Само собой, я не профессоръ домашней эстетики и до этого вечера даже и не покосился, что у

нихъ тамъ по угламъ наворочено, однако въ злости человѣкъ легко въ критиканство впадаетъ.

Кресла, напримѣръ... отъ прежняго купеческаго великолѣпія остались... жабы краснаго дерева, ни тебѣ пропорціи, ни тебѣ удобства, — сидѣнье, какъ у выѣздного барскаго кучера, когда на немъ 18 армяковъ для стилия намотано... Спинка у дивана покатымъ каткомъ, голову прислонишь, какъ къ холодному броненосцу... Портьеры—шаману сибирскому шубу изъ такой бы портьеры сшить. Доволенъ бы остался! А на золоченомъ пупыристомъ столикѣ ужъ совсѣмъ африканско-московская штучка... Мамашинъ вкусъ. Наполеонъ гипсовый надъ кремлевской стѣной ручки сложилъ, штепсель ежели отъ него въ стѣну вставить, глаза краснымъ пламенемъ, какъ у вурдалака нальются, надъ кремлевской стѣной за матовымъ стекломъ пожарчикъ розовый вспыхиваетъ. И подъ сіе сооруженіе мамаша еще и граммофонъ обычно заводитъ: „Шумѣлъ—гудѣлъ пожаръ московскій, дымъ разстиался надъ землей“... Тьфу!

Вѣдь вотъ сидитъ лѣшій. Дядя, подумаешь. Нуженъ онъ здѣсь, какъ верблюду арфа. Точно у него послѣ моего отъѣзда времени не будетъ чаи свои прихлебывать...

Васька Болдыревъ въ пустую гостиную на шаги мои вошелъ и смѣется.

— Ты что, метрономъ, шагаешь?

— Скучно. Да и дядя твой, извини, подавляетъ. Экая гора добродѣтели, замоскворѣцкій бонза. Пошути-ка при такомъ...

Васька задернулъ портьеру и, усмѣхнувшись, понизилъ голосъ:

— Это ты про Савелія Игнатьевича-то? Да ты знаешь ли, что бонза этотъ раза по три въ годъ новую одалиску себѣ заводитъ. Ужъ дома у него такъ и знаютъ: не стѣсняется дядя, — чуть кабинетъ его сверху тащатъ и на ломового укладываютъ, значитъ, онъ къ новому сюжету перебирается. Безъ своего кабинета онъ, чудакъ, не можетъ, а на что ему тамъ письменный столъ съ принадлежностями, самъ Мартынъ Задека не разгадаетъ. Мѣсяць - другой пройдетъ, съ одалиской своей разругается, — глядишь — кабинетъ опять во дворъ въѣхалъ, а самъ дяденька на колѣнкахъ отъ самыхъ воротъ по лѣстницѣ вверхъ ползетъ. Доползетъ до тетенькиной спальни и до тѣхъ поръ не встанетъ, пока прощенье себѣ не вымолитъ. Думаешь, вру? Всей Москвѣ извѣстно... Вотъ тебѣ и гора добродѣтели. Идемъ въ столовую! А онъ, между прочимъ, старикъ добрый и очень тебѣ пригодиться можетъ.

* * *

Последній день неотлучно при Олимпіадѣ состоялъ. И въ аптеку съ ней, и гарусъ подбирали, и по Тверскому носились — розовый рыхатлукумъ искали. Часъ за часомъ уплывалъ, живымъ меня въ землю закапывалъ.

Вечеромъ поднялись домой; подъемная машина, ей-Богу, эшафотомъ показалась... въ

А. Прандэ — „Берега“

A Prande — „Banks of a river“

последній разъ подымаюсь. Щелкнулъ тихонько американскій ключъ, вошли, слышимъ въ зеленой гостиной потаенные дѣтскіе голоса, смѣшокъ, шопотанье.

Олимпиада Иннокентьевна палецъ къ губамъ, на меня обернулась, скользнули мы за портьеру, смотримъ, что за спектакль такой?

Племянникъ болдыревскій, кадетикъ, что разъ въ недѣлю въ отпускъ изъ корпуса приходилъ, собралъ у балконной двери всѣхъ своихъ знакомцевъ: швейцарскій Мишка, реалистикъ Лавръ съ верхней площадки и еще какія-то микроскопическія личности жадно уставились сквозь балконную дверь на ярко освѣщенное во дворѣ окно противъ нашего этажа. Оторваться не могутъ, хихикаютъ. На что бы вы думали уставились? Школа во дворѣ была пластики и художественныхъ танцевъ, по Далькрозу... Портьеры, черти, не догадались на окнахъ повѣсить. Собралось десятка два дебелыхъ московскихъ гагаръ, въ кисейныхъ сквозныхъ воскрыляхъ распластываются надъ паркетомъ, руки лебедями, ноги — розовыми балыками, шеи словно пристяжныя. Дѣтвора въ восторгѣ...

— Ты бѣ, Лаврикъ, на которой женился?

— На второй справа. Мускулы у нея какіе замѣчательные!

Олимпиада за портьерой губы кусаетъ, за руку меня щиплетъ, чтобъ я голоса не подасть... Темно, душно, отъ милыхъ волосъ лѣснымъ ландышемъ и московскимъ вѣтромъ

тянетъ, теплая рука меня за рукавъ тербитъ. Свѣта я не взвидѣлъ, въ темнотѣ да съ горя и Божья коровка осмѣлѣетъ. Прильнуль я губами къ пушистой жаркой щекѣ... Какъ на это рѣшился, и до сихъ поръ не пойму! И вотъ подумайте, вмѣсто того, чтобы меня за мою дерзость въ балконную дверь препроводить, либо локоткомъ въ глаза, какъ полагается въ такихъ случаяхъ, двинуть, — Липа моя, подумайте, повернулась ко мнѣ всѣмъ лицомъ и...

Не приходилось мнѣ ни у одного поэта читать, чтобъ за портьерой цѣловались, однако лучше мѣста и на свѣтѣ нѣтъ.

Понеслись мы въ столовую, хохочемъ, совсѣмъ ошалѣли... Мамашу разбудили, на гарусной подушкѣ у окна она, какъ потухающій самоваръ, похрапывала.

— Что-жъ, вещи сложили? — спрашиваетъ.

— Сложили! — отвѣчаетъ за меня Липа. Къ матери подбѣжала, на колѣнки передъ ней стала.—А я ихъ, мамочка, опять разложила...

Старушка такъ шарады этой и не поняла въ тотъ вечеръ. А потомъ Васенька подошелъ, еще изъ передней кричитъ:

— Федоръ! Дядѣ ты очень понравился. Звѣздъ, говоритъ, съ неба не хватаетъ, но своя, говоритъ, лампа у него въ головѣ есть... Просиль передать, что въ правленіи Московско-Курской дороги у него большія связи; если хочешь, въ два счета тебя въ Москву переведутъ.

И опять Липа за меня отвѣчаетъ:

— Зачѣмъ же ему въ Москву? Въ Петер-

бургъ на Службѣ Сборовъ съ нимъ въ одной комнатѣ двадцать три барышни сидятъ. Авось онъ тамъ, женоненавистникъ, судьбу свою найдетъ...

Вѣдь вотъ какая злоязычица!

Ну, сами понимаете, что въ Москву я въ скоромъ времени перевелся, т. е., собственно говоря, въ Петербургъ я только за вещами на два дня слеталъ.

* * *

Вотъ и весь мой „случай“. Сколько я ни живу, сколько чего ни видалъ, сколько романовъ ни читалъ — а я свой московскій романъ самымъ выдающимся считаю, ей-Богу. Въ два счета свѣжій вѣтеръ всю жизнь мою перевер-

Парижъ. 1926

нулъ, и не разъ мнѣ съ тѣхъ поръ кажется, что я точно не на женщинѣ, не на Липѣ, а на самой Москвѣ женатъ. А вѣдь не рѣшился я тогда за портьерой...

Въ Марселѣ который годъ бьемся, прачешную французскую держали, въ гавани я верблюдомъ по разгрузкѣ нанимался—все ничего. Моя маленькая Москва при мнѣ, а въ большую Москву... есть такія заповѣдныя слова и думаешь - то о нихъ съ трепетомъ... въ большую Москву дай, Господи, хоть подъ старость вернуться. Сынишка у насъ растетъ; не въ Житомірѣ, не въ С.-Петербургѣ — въ Москву его съ собой повеземъ, пусть нашъ старый неплатный долгъ выплачивается...

А. Черный

Н. И. МИШЕЕВЪ

А. М. ПРАНДЭ

(Къ отъѣзду его въ Парижъ)

I

Среди представителей художественнаго и литературнаго міра латышской интеллигенціи А. М. Прандэ является очень колоритной фигурой, типичной по разнородной своей дѣятельности и устремленіямъ на благо національной культуры, главнымъ образомъ, въ области искусства, какъ чистаго, такъ и прикладнаго. Однако, немаловажны его заслуги и въ области литературы.

Родился А. Прандэ 23-го іюня 1893 года въ Курляндіи, Дубенаской волости, въ семьѣ лѣсника, кстати сказать, большого книжника. Такимъ образомъ, мальчикъ росъ въ культурной семьѣ, гдѣ заботливо относились къ дѣтямъ и шли навстрѣчу пробуждающемуся дарованію. А будущій художникъ уже въ раннемъ дѣтствѣ почувствовалъ неодолимую любовь къ „картинкамъ“ и рисованію, занимаясь послѣднимъ, гдѣ только могъ. Литографированныя иллюстраціи къ сказкамъ и прекрасныя иллюстраціи къ Библии, исполненныя деревянной гравюрой, были первыми художественными произведеніями, поразившими воображеніе ребенка, который ихъ началъ тщательно перерисовывать еще на грифельной доскѣ.

Но окончателно завладѣла живопись юношей Прандэ въ бытность его въ Якобштадтской торговой школѣ, гдѣ рисованіе тогда преподавалъ начинающій латышскій художникъ Янъ Куга, телерешній видный декораторъ. Съ этимъ художникомъ Прандэ переѣхалъ потомъ въ Ригу, работая у него въ качествѣ помощника въ „Новомъ Латышскомъ театрѣ“.

Затѣмъ мы видимъ Прандэ въ Петербургѣ въ Рисовальной Школѣ Импер. Общества Поощренія Художествъ, гдѣ онъ работаетъ до весны 1915 г. по классу Рериха, Наумова, Вахрамѣева, изучая также графику у И. Билибина и офортъ у проф. В. Матѣ. Къ этому времени молодой художникъ

сотрудничаетъ уже въ журн. „Вершины“, помѣщая тамъ свои графическіе рисунки.

Война, наступленіе нѣмцевъ на Курляндію, смерть отца заставляютъ Прандэ взять мать, оставить усадьбу нѣмцамъ и переѣхать на жительство въ Казань, гдѣ онъ устраивается на Пороховомъ заводѣ чертежникомъ и техникомъ архитектуры.

Осенью 1918 г. Прандэ уже на родинѣ. Онъ въ Ригѣ. Трудно, почти невозможно было тогда заниматься чистымъ искусствомъ, — не тѣ были времена. И вотъ, нашъ художникъ — декораторъ въ Латышской оперѣ, затѣмъ съ худ. Ив. Мозалевскимъ организуетъ, по порученію правительства, латышскую экспедицію заготовленія государственныхъ бумагъ, командировается въ началѣ бермондтѣвды министерствомъ финансовъ въ Финляндію для организациіи отдѣла печатанія латышскихъ кредитокъ. Однимъ словомъ, въ разгарѣ общественной работы искусство забыто. Но, какъ только стало легче дышать, Прандэ разстается съ обезпеченнымъ положеніемъ и съ головой уходитъ въ область искусства. Такъ, онъ организуетъ „Салонъ Искусства Л. Т. А.“, откуда городской и государственный музеи приобрѣтаютъ много картинъ. Въ 1921 г. издательство „Лета“ предлагаетъ Прандэ редактировать журн. „Ilustrēts Zurnals“. Онъ беретъ за это новое для него дѣло и въ теченіе шестилѣтняго редактированія блестяще обнаруживаетъ свое художественное чутье, тактъ и пониманіе.

За періодъ 1922—26 г. г. Прандэ составляетъ единственный въ своемъ родѣ капитальный трудъ „Латышская литература въ портретахъ“. Это монументальное изданіе обнимаетъ всю латышскую литературу не только въ портретахъ, письменахъ и въ другихъ памятникахъ литературы, но даетъ исчерпывающія свѣдѣнія въ очеркахъ и біографіяхъ ея дѣя-

А. Прандэ

A. Prandé

телей. Въ это же время вышла также и другая книга, составленная Прандэ, это — „Вѣнокъ павшимъ героямъ за свободу Латвіи“. Въ этой книгѣ, кромѣ отраженія моментовъ великой борьбы за самостоятельность народа, встрѣчаемъ интересный отдѣлъ „Искусство и война“ (ст. Я. Силиня и А. Габа) съ художественно-выполненными репродукціями.

Кромѣ названныхъ книгъ, Прандэ въ цѣломъ рядѣ статей по искусству ознакомилъ широкіе круги общества съ достиженіями латышскаго искусства и жизнью его представителей. Если начало этому положилъ Розенталь (см. „Переозвонъ“ № 21), то Прандэ является единственнымъ энергичнымъ и безпристрастнымъ продолжателемъ его начинаній, что мы можемъ видѣть по журн. „Mustrēts Žurnāls“, гдѣ добрая половина статей принадлежитъ ему.

Если мы учтемъ одновременную работу А. М. Прандэ въ издательствахъ Гульбиса, гдѣ онъ руководитъ графическимъ отдѣломъ, въ изд. „Саламандра“, гдѣ былъ редакт. художественной части журн. „Переозвонъ“, то неустанная и разнообразная работа въ области художественной культуры нашего художника будетъ налицо, свидѣтельствуя о немъ, какъ о незаурядномъ представителѣ латышской интеллигенціи.

Однако, исконная любовь и привязанность Прандэ къ чистому искусству беретъ верхъ. Послѣ большой шестилѣтней работы на поприщѣ журналиста и общественнаго дѣятеля, художникъ, какъ мы знаемъ, прощается со всѣмъ этимъ и направляется въ ближайшемъ будущемъ въ Парижъ, чтобы тамъ всецѣло посвятить себя живописи.

II

Изъ многихъ произведеній А. М. Прандэ мы помѣщаемъ репродукцію съ его картины „Берега“ (находится въ гор. рижск. музеѣ) и съ картины, подъ общимъ названіемъ „Пейзажъ“.

Это очень типичныя для опредѣленія творческой личности художника произведенія. Анализируя ихъ, мы, съ одной стороны, не можемъ не отмѣтить ихъ кажущуюся примитивность, граничащую съ незаконченностью. Однако, вглядываясь, замѣчаемъ, что примитивность эта есть результатъ страстнаго желанія художника зафиксировать зародившееся въ душѣ его впечатлѣніе безъ особаго размышленія, а, слѣдовательно, и отдѣлки деталей. Онъ точно боится, что впечатлѣніе потеряетъ свою остроту и свѣжесть, если начать его „отдѣлывать“. Картина „Пейзажъ“ особенно характерна въ этомъ отношеніи. Не поэтому ли и самый пейзажъ производитъ здѣсь, въ свою очередь, впечатлѣніе не столько снимка съ природы, сколько мгновенную передачу воспріятія въ компановкѣ и конструкціи, имѣющей мало общаго съ подлинной дѣйствительностью?..

Съ другой стороны, на картинахъ Прандэ лежитъ своеобразная печать, мы бы сказали, расчлененія элементовъ пейзажа, т. е. художника очень интересуеетъ не только данная картина природы вообще, но и тотъ таинственный процессъ, въ результатѣ котораго этотъ именно ландшафтъ появился. Отсюда — оригинальное настроеніе, проникающее картины Прандэ, очень близкое къ тому, что о самомъ важномъ художникъ лишь намекнулъ, ибо это и для него пока тайна, выразить которую въ возможно болѣе совершенной формѣ у него еще нѣтъ нужныхъ средствъ.

Не приходится, конечно, говорить, что тотъ подходъ къ пейзажной живописи, какой мы находимъ у Прандэ, даетъ полную свободу творчеству художника, открываетъ широкіе горизонты въ пониманіи и воспроизведеніи вѣчно юной и въ то же время полной вѣковыхъ тайнъ природы, а слѣдовательно, служить залогомъ дальнѣйшаго художественнаго развитія.

А. Прандэ — „Пейзажъ“

A. Prande — „A landscape“

Списокъ книгъ, поступившихъ для отзыва:

С. Р. Минцловъ — Волки. Историческій романъ. Рига 1927. Ал. Ярославскій — „Москва — Берлин“ (Биокосмисты Б. 1927) № 11 Бюллетень Педагогич. бюро по дѣламъ средней и низшей рус. школы за границей, Борьба за Россію—№ 13, Зарница — № 18. Казачій Сполохъ — № 10 (февр. 1927). Родное Слово — № 4, Звено — № 130. Бѣлое дѣло — 2-я книга. Путь Казачества — № 2.

„ЗВЕНО“

иллюстрированный журналъ литературы и искусства, основ. М. М. Винаверомъ П. Н. Милюковымъ, выходящій еженедѣльно въ Парижѣ на 16 стр.

Условія подписки:

Во Франціи: на 1 мѣс. — 3 фр.; на 3 мѣс. — 8 фр.;
на 6 мѣс. — 15 фр.; на 1 годъ — 28 фр.
За границей: на 1 мѣс. — 5 фр.; на 3 мѣс. — 13 фр.
на 6 мѣс. — 25 фр.; на 1 годъ — 50 фр.

Для подписчиковъ „Послѣднихъ Новостей“ льготныя условія.

„Борьба за Россію“

еженедѣльникъ, выход. въ Парижѣ и объединяющій всѣхъ противниковъ большевизма.

Содѣйствуйте распространенію
журнала.

Въ издательствѣ «Мѣдный Всадникъ»

„БѢЛОЕ ДѢЛО“

Лѣтопись бѣлой борьбы,

содержащая въ себѣ матеріалы, собранные и обработанные барономъ Н. Н. Врангелемъ, герцогомъ Г. Н. Дейхтенбергскимъ и свѣтл. княземъ А. П. Ливиномъ. Адресъ редакціи: Berlin, W. 15, Lietzenburger Str. 43 IV.

Въ 1-ой книгѣ: воспоминанія барона П. Н. Врангеля, В. В. Марушевскаго, К. К. Смирнова, А. П. Степанова; впечатлѣнія отъ недавней нелегальной поѣздки въ Совѣтскую Россію — В. В. Шульгина, документы изъ архива генерала М. В. Алексѣева и др.

Во 2-ой книгѣ: Быховскій альбомъ (факсимиле), возникшій въ періодъ нахождения будущихъ вождей бѣлой арміи въ Быховской тюрьмѣ; записки В. В. Марушевскаго, кубанскаго атамана А. П. Филимонова; воен. представителя въ Константинополь В. П. Агапѣва; И. Г. Акулинина — о трагич. эпоеѣ уральскаго казач. войска и др.

Цѣна 1 дол. 75 ам. цент. за книгу.

„ПУТЬ“

ОРГАНЪ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ МЫСЛИ.

Подъ редакціей Н. А. Бердяева, при участіи Б. П. Вышеславцева и Г. Г. Кульмана.

Изданіе религіозно-философской академіи.

10. Bd. Montparnasse, Paris (XV).

Годовая подписка (4 книги) — 2,25 долл.

Цѣна 6-го номера долл. 0,70.

6 г. изд.

6 г. изд.

Современныя записки.

Вышелъ т. XXX.

Цѣна книги — 20 франк., 1 ам. долл., 34 чеш. кроны.

Адресъ редакціи и конторы: 9-bis, rue Vineuse, Paris (16).

Главный складъ: „Plamja“ — Praha, Ječná 32, Tschechoslovaquie.

Представительство въ Германіи: „Rodina“, Berlin, W 50, Regenburgstrasse 13

Представительство во Франціи: La Source, 9-bis, rue Vineuse, Paris 16. Tel. Passy 39-61.

6-ой год издания

„ВОЛЯ РОССИИ“

Вышел № 2

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

В. И. Лебедева, М. А. Слонима,
Е. А. Сталинского и В. В. Сухомляна.

ЦЕНА НОМЕРА:

в Европе — 40 цент., в Америке, Японии и Китае — 50 цент.

— АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ: —
Administrace Casopisu „VOLJA ROSSII“
Praha, Uhelny trh 1, tel. 9802.

Своими Путиами

Подъ редакціей:

Н. А. Антипова, А. А. Воеводина,
П. М. Вжесинскаго и С. Я. Эфрона.

Журналъ богато иллюстрированъ.

Цѣна въ Чехословакии — 8 кр. ч.,
за границей — 25 амер. центовъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

- 1) Tschechoslovaquie, Praha-Vinohrady, Nerudova, č. 48,
- 2) Tschechoslovaquie, Praha-Vinohrady, Pošta, pošt. schr. 37.

6-ой годъ изданія.

„ГОДЫ“

Изд. ОРЭСО подъ ред. А. А. Валентинова - Ланге, М. С. Ильяшевича, Г. Э. Флоріанскаго, И. Л. Черкесова

Цѣна отдѣльнаго номера 5 кр. ч., 6 номеровъ за годъ — 24 кр. ч., за границей — 15 амер. цент.

Контора и ред.: PRAHA II, Porič 24.
Гл. представительство: „Пламя“, Praha, II Ječná 32.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на журналъ

„Путь казачества“

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	на 1 мѣс.	на 3 мѣс.
Въ Чехословакии	5 кронъ	12 кронъ
Во Франціи	3 франка	8 франковъ
Въ Сербіи	7 динар.	18 динар.
Въ Болгаріи	10 лев.	25 лев.

Адресъ редакціи и конторы журнала:

Tchécoslovaquie, Praha II, Lazarska ul. č 10, IV p.

IV годъ

IV годъ

„Казачій Сполохъ“

ЛИТ.- НАУЧНО-ПУБЛИЦ. ЖУРНАЛЪ

Изд. въ Прагѣ Общеказачьей
студенческой станицей подъ ред.

М. Гребенникова, Л. Коколевскаго,
И. Колачова и И. Кохановскаго

Цѣна №№ 1, 2-3, 4-5, 6-7, 8 и 9 по 2 ч. кр.
№ 10 (февр. 1927 г.) — 5 ч. кр.

„НОВЫЙ ДОМЪ“

литературный журналъ

подъ редакціей Довида КНУТА, Юрія ТЕРАПІАНО и Всеволода ФОХТА.

Содержаніе вышедшаго номера третьяго:

Стихи: — Георгія Иванова, Глѣба Струве и Всеволода Фохта; Разказы — „Сухая солома“ Ирины Одоевцевой, „Первая ягода“ Николая Рощина, „Зыгмусъ“ Галины Кузнецовой; Статьи: — „Да-нѣтъ“ Антоиа Крайняго, „Окольные пути“ Юрія Терапіано, „Борьба за Россію“ Льва Пущина, „Письмо Георгію Адамовичу“ Вл. Злобина и „Р.-М. Рильке“ В. Власьевскаго.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

Георгій Адамовичъ, М. А. Алдановъ, Н. Бахтинъ, Нина Берберова, И. А. Бунинъ, Б. Буткевичъ, В. Вейдле, В. Власьевскій, З. Н. Гиппиусъ, Борисъ Зайцевъ, Вл. Злобинъ, Георгій Ивановъ, Довидъ Кнутъ, Галина Кузнецова, Ант. Ладинскій, Д. С. Мережковскій, П. Муратовъ, Ирина Одоевцева, Ник. Оцупъ, Георгій Песковъ, Георгій Раевскій, Николай Рощинъ, Глѣбъ Струве, — Юрій Терапіано, Всеволодъ Фохтъ, Владиславъ Ходасевичъ, М. Щетлинъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на три номера — 10 фр.; на шесть номеровъ — 20 фр. Подписка принимается съ любого номера.

Цѣна номера въ отдѣльной продажѣ — во Франціи и Европѣ — 3 фр. 75 сент., въ Америкѣ — 15 амер. центовъ.

ПОДПИСЧИКИ, предъявляющіе квитанцію конторы журнала въ приемъ подписной платы, пользуются скидкой въ размѣрѣ 10 проц. въ книжн. маг. „МОСКВА“.

Генеральное представительство и складъ изданія въ книжн. маг. „Librairie MOSKWA“, 9 rue Dupuytran. Paris VI.

Адресъ редакціи и конторы: „NOVY DOM“, 51, rue Vivienne, Paris 8 tel Louvre 25 - 79.

Контора открыта ежедневно отъ 5-ти до 6-ти час. вечера.

Приемъ по дѣламъ редакціи — по пятницамъ отъ 6-ти до 9-ти ч. в.

ГИЛЬЗЫ

МАНЕВРЪ.

Л. ИВАНОВЪ

Т. 25-85.

въ РИГѢ

Требуйте вездѣ

ПАРКЕТНЫЙ ВОСКЪ

„БОСТОНЪ“

лучшее средство для крашенныхъ половъ, паркета, линолеума и мебели.

Гл. складъ: Г. Сидельскій и Ко.
Бл. Королевская 12.

Вы
сберегаете
деньги и обувь
употребляя
сапожный кремъ
„ДЖИММИ“

Г. Сидельскій и Ко
Бл. Королевская 12.

Неприятный запахъ изо рта
дѣйствуетъ отталкивающе. Некрасивый
цвѣтъ зубовъ уродуетъ самое красивое
лицо. Оба недостатка немедленно и со-
вершенно безопасно устраняются зуб-
ной пастой

CHLORODONT.

— (Требуйте вездѣ. —

Любители находятъ, что **СТРЕМЕРСА** китайскій цвѣточный чай (этикетъ „Золотой танго-слонъ“) **наивысшій по качеству и превосходный по аромату.**